

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

< ИЗ № 9 «СОВРЕМЕННОГО» >

Высочайший указ о понижении процентов по ссудам и вкладам государственных кредитных учреждений. — Отчет г. министра финансов о государственных кредитных учреждениях за 1856 г. — Статья г. Бабста о новом тарифе. — Прекращение порто-франко в Одессе. — Торговая конвенция с Франциею. — Общество для приготовления продовольственных и животных веществ и торговля ими. Общество Сампсониевской мануфактуры. — Пароходы г. Шипова, построенные русскими машинистами. — Пароходство в Сибири. — Пинский канал. — Правила о службе молодых людей из козаков, кончивших курс в высших учебных заведениях. — Литературные заметки [«Богдан Хмельницкий» г. Костомарова]. — «Новейшие публицисты. Токвиль» г. Чичерина. — Пример гласности.

Предметом одной из самых общих жалоб со стороны людей, желающих развития материальных сил наших, издавна была господствующая у нас привычка оставлять свои капиталы без всякого движения. Все мы смеемся над старым обычаем зажиточных поселян прятать деньги в кубышку и зарывать эту кубышку в землю. Но до последнего времени почти каждый из смеющихся над этим обычаем, как только удавалось ему видеть себя денежным человеком, считал самым лучшим делом внести свои деньги в так называемый ломбард и оставлять их там на веки вечные, для приращения банковыми процентами. Количество вкладов в наших казенных кредитных учреждениях изумляет своею страшною громадною. В отчете г. министра финансов о движении сумм в государственных кредитных установлениях за прошлый год находится следующая цифра: вкладов, внесенных для приращения процентами, состояло к 1 января 1857 г.:

1 002 639 068 рублей серебром.

Чтобы оценить странную огромность этой цифры, вспомним, что в английском банке цифра вкладов не многим превышает 65 000 000 р. серебром, да и из тех самая большая часть принадлежит не частным лицам, неподвижно оставляющим деньги для приращения процентами, а банкирским конторам, имеющим ежедневные коммерческие расчеты с английским банком.

Государственные кредитные учреждения существуют вовсе не для того, чтобы принимать кредит: их цель давать кредит; их цель содействовать развитию экономического движения облегчением и регулированием торговых оборотов, а не служить подвалами для доставления неподвижного лежания всем тем капиталам, которые ленятся вступить в обращение, которые ищут подземной кубышки, в которую могли бы спрятаться. Государство учреждает свои заемные и коммерческие банки для того, чтобы открывать легчайшую возможность дисконта коммерческих ценностей, превращения недвижимых имуществ в торговые капиталы для того, чтобы легче было и землевладельцу, и фабриканту, и негодянту, и вообще всякому капиталисту получать под залог своих земель, фабрик, товаров и векселей деньги для расплат по текущим своим коммерческим счетам, для расширения своих промышленных дел, для основания новых общепользных предприятий, а вовсе не с тем, чтобы выдавать под названием процентов награду таким людям, которые хотят прятать в кубышку свои деньги. Есть только два случая, в которых государство находит полезным принимать на сохранение недвижимые капиталы: это или тогда, когда капиталы эти принадлежат людям малолетним, находящимся под опекою, или тогда, когда эти капиталы так малы, что не могут быть употреблены ни на какое коммерческое предприятие. Вы опекун, вы не хотите и не должны принимать на себя риска в капитале, принадлежащем порученному вам дитяти; с другой стороны, это дитя должно быть обеспечено в том, что его деньги сохранятся до его совершеннолетия, не будут потеряны от какой-нибудь вашей ошибки; чтобы снять с вас всякую ответственность за чужие деньги, чтобы обеспечить дитя от всяких потерь, государство принимает капиталы, находящиеся под опекою; таково истинное назначение опекунских советов¹. Вы человек бедный, но, соблюдая экономию, достигаете того, что в месяц, быть может, в неделю остается у вас лишний целковый. На этот целковый вы не можете начать никакого промышленного предприятия, не можете купить никакой акции. Государство желает помочь вам к получению прибыли с этого маленького капитала, который вы не можете пустить в оборот без помощи государства, не потому, чтобы вы были ленивы, а только потому, что ваш капитал еще слишком мал; оно хочет помочь вам сохранить этот капитал, который вам без его помощи так трудно удержать в руках опять-таки не потому, чтобы вы были расточительны, а потому, что капитал слишком еще мал; оно принимает ваш маленький капитал и, чтобы поощрить вас к продолжению вашей экономии, немедленно дает вам прибыль, которую иначе вы не могли бы получить по незначительности вашего капитала, — таково назначение сберегательных касс. Но как скоро ваш капиталец, сберегаемый вами только благодаря помощи государства, достигает такой величины, что вы уже можете пустить его в коммерческий оборот, дать его

взаймы частному промышленнику или купить на него акцию, государство уже не хочет оставлять в своих руках этого капитала: вы можете приискать ему какое-нибудь употребление более полезное для общества, более выгодное и для вас, потому что промышленность дает более процентов, нежели сберегательная касса; сберегательная касса отказывается принимать или удерживать всякий капитал, достигший величины в несколько сот рублей (в России 750 р., во Франции 1500 фр.), — он уже годен для коммерческих оборотов; удерживать его долее от этих оборотов значило бы и лишать промышленность вашего капитала, и лишать вас той более высокой прибыли, которую обещает вам промышленность, и поощрять вас к бездействию. Это о сберегательных кассах. Опекунский совет также вовсе не желает удерживать капитал дитяти, как скоро ребенок достиг совершеннолетия. Юноша или взрослая девушка сами уже могут позаботиться о себе; помощь опекуна стала не нужна для них; стала не нужна и та помощь, которую государство оказывало им и их опекуну посредничеством в опеке. Если этот юноша оставляет свой капитал в государственном кредитном заведении, он становится уже несправедлив к государству, требуя, чтобы государство продолжало кормить его попрежнему молочною кашкою с ложечки, между тем как он уже теперь, слава богу, мог бы есть и без няньки.

В те времена, когда отсутствие твердого гражданского порядка и выгодных и благонадежных помещений для капиталов делало необходимою прятание этих капиталов в кубышки, закапываемые глубоко в землю, в те времена государство имело надобность и право предложить свою помощь к сохранению этих капиталов. Когда Екатерина II привлекла капиталы для хранения в государственные кредитные учреждения, то было шагом вперед, извлечением капиталов из совершенной неподвижности к поступлению в оборот, правда, слишком еще тесный и безжизненный, но все-таки привлечением капиталов в оборот. Помещений для капиталов вовсе не существовало до тех пор, пока упрочение гражданского порядка и развитие частной промышленности даст капиталам их истинное помещение; государство должно было принять на себя как бы роль опекуна, заведывающего чужими делами, пока находящийся под опекою не приобретет возможности располагать ими по собственному усмотрению. Такой период в жизни государства неизбежен, но он есть только переходный период. По несомненным признакам правительство наше убедились, что этот период кончился, что миновалась для правительства хлопотливая и убыточная необходимость быть опекуном над частными капиталами, что для этих капиталов пришла уже пора обращаться самобытным образом, что поддерживать привычку нашу оставлять все хлопоты о наших делах на заботу правительства значило бы для правительства принимать на себя излишние убытки, не приносящие и частным лицам ничего кроме убытка.

У вас есть 100 000 рублей, и вы блаженствуете в совершенном бездействии умственном и физическом, таская в кармане ломбардный билет и требуя от правительства ежегодно 4 000 рублей за то, что вы не хотите ничего делать, кроме как носить этот билет в вашем кармане, не хотите ни о чем подумать, кроме того, что государство обязано давать вам проценты за ваше бездействие, обязано быть вашим опекуном и кормить вас с ложечки молочной кашкою. Слава богу, у государства много хлопот и кроме заботы варить для вас кашку, да и вам не пора ли самому позаботиться о своем обеде, ведь вы уже человек взрослый. За какое благо государство станет платить вам в течение всей вашей жизни, надеемся долголетней, пенсию? Пятьдесят или шестьдесят лет вы хотите получать от государства по 4 000 рублей и через шестьдесят лет, взяв с государства 150 000 рублей, все еще хотите быть кредитором государства на 100 000 рублей? за что такой убыток государству? да и вам какая выгода от того, что государство расходуется на вас? Купили бы вы на свои 100 000 рублей акций какой-нибудь компании, компания выдавала бы вам не 4 процента, а по крайней мере 6 процентов, а может быть, и 10 процентов, или даже и 20 процентов; ваш доход был бы вдвое или втрое больше той пенсии, которую берете вы с государства; а между тем общество было бы благодарно вам: вашим капиталом произведено было бы какое-нибудь общепольное дело, была бы проложена дорога, была бы основана фабрика, построены и движимы пароходы, и в результате, если бы вам понадобилось взять обратно ваш капитал, компания бы уплатила вам не 100 000, как платит государство, а 150 000 или 200 000, потому что акции каждой солидной компании поднимаются в цене. Видите ли, заставляя государство нянчиться с вашим капиталом и содержать вас на пенсии, вы и дохода получали гораздо меньше, да и на капитале лишились значительной прибыли только оттого, что не хотели сами ни о чем подумать. Вам не хотелось поразмыслить о том, например, в 1827 году, что Первое страховое общество, учреждавшееся тогда, представляет совершенно безопасное помещение для вашего капитала; оттого, что вы поленились вникнуть в условия оборотов, предпринимаемых этим обществом, вы махнули рукой, сказав: «Э, кто их знает, быть может, дивиденд будет мал и акции упадут в цене; рисковать не хочу; поступаю лучше на пенсию к государству». И вы навязали ломбарду вовсе ненужные ему ваши 100 000, а не взяли акций Первого страхового общества. Что ж из того вышло? В тридцать лет, прошедшие с того времени, вы получали по 4 000 рублей, между тем как Первое страховое общество выдавало каждый год по 10 и более процентов (например, в 1852 году дивиденд был $11\frac{1}{4}$ процентов, в 1855 — $12\frac{1}{2}$ процентов, да и во всех других годах то же самое), то есть получали бы вы от него каждый год по 10 000 и более; да и капитал ваш был бы теперь вдвое больше: акции, которые

предлагались вам в 1827 году по 400 р. с<еребром>, теперь стоят 810 р. с<еребром>, разочтите же теперь, сколько убытков наделало и государству и вам ваше нежелание подумать о том, солидно ли основывавшееся тогда общество, совершенно ли обеспечен был бы в нем ваш капитал и велики ли будут доходы общества.

Чтобы не затягивать счета, положим, что круглым числом Первое страховое общество давало по 11 процентов (а оно давало и больше). В тридцать лет вы от него получили бы по 11 000 р. с<еребром> в год, всего 330 000 р. с<еребром>.

А ваш капитал, состоящий из 250 акций, купленных вами в 1827 году по 400 р. с<еребром>, а теперь продающихся по 810 р. с<еребром>, составлял бы теперь 202 500 р. с<еребром>.

Итого: 532 500 р. с<еребром>.

Вот сколько вы могли бы иметь; а сколько вы теперь имели? Из ломбарда по 4 процента вы получали

в тридцать лет 120 000 р. с<еребром>.
И капитал ваш остался как был . . 100 000 »

Итого . . . 220 000 р. с<еребром>.

И оказывается, что, заставив государство израсходовать на пенсию вашей умственной лени 120 000 р. с<еребром>, вы потеряли на капитале и процентах 312 500 р. с<еребром>.

Вы не хотели рисковать? Да если бы вам не лень было подумать, вы увидели бы, что риска не было совершенно никакого, что Первое страховое общество непременно должно было давать большой дивиденд, что акции его непременно должны были подняться в цене.

А во сколько оценить убытки того, кто в 1799 году положил свои 100 000 в ломбард, вместо того чтобы взять акции Российско-Американской компании? ² Тут уже пахнет миллионами.

Так вы не хотели и не хотите рисковать? Посмотрите в газетных объявлениях цену акций и величину дивиденда наших акционерных компаний, и вы увидите, что о Втором страховом обществе, Обществе освещения газом, Бумагопрядильной мануфактуры, Застрахования доходов, «Саламандре», всех пароходных обществах, Обществе Царскосельской железной дороги и многих других надобно сказать то же самое, что об Американской компании и Первом страховом обществе: акции их поднялись и, конечно, всегда будут держаться выше первоначальной цены; о том, что дивиденд их был и будет всегда гораздо выше 4 процентов, не нужно и упоминать: даже такие общества, акции которых стоят несколько ниже первоначальной цены, дают более 4 процентов.

Умственная лень, заставляющая нас предпочитать отдачу

денег в ломбард, которому вовсе не нужны ваши деньги, покупке акций и основанию коммерческих и фабричных предприятий, слишком дорого обходилась государству, слишком убыточна была и нам.

Правительство увидело, что пришла пора принять меры против такого нелепого положения вещей, которым задерживается всякое промышленное развитие, от которого терпит огромные убытки само правительство, и еще более убытков терпит общество, и больше всего те самые люди, умственное бездействие которых предпочитает праздную пенсию из ломбарда столь же верным и гораздо более значительным доходам, даваемым промышленностью. Надобно было положить преграду развитию ленивой привычки. Решительный шаг этому сделан высочайшим указом Правительствующему сенату от 20 июля нынешнего года. Чтобы предотвратить излишнее накопление вкладов в государственные банковые установления, накопление быстро возраставшее, и указать капиталам, ныне с убытком для государства обременяющим бездейственно банковые учреждения, другое направление, более соответственное государственным пользам, правительство понизило банковый процент, выдаваемый частным лицам за вклады, с 4 процентов на 3.

В самом деле, накопление бездейственных капиталов в кредитных учреждениях быстро возрастало. Еще не далее как четыре года тому назад, к 1 января 1853 года, цифра вкладов во всех государственных кредитных установлениях простиралась только до 806 083 233 р. с<еребром>, а по отчету г. министра финансов за 1856 год, к 1 января нынешнего года количество вкладов увеличилось, как мы видели, уже до 1 002 639 068 р. с<еребром>. Проценты на эту последнюю цифру составляли по прежнему уставу слишком 40 000 000 р. с<еребром>. Государство выиграет более 10 000 000 р. с<еребром> уже от одного того, что вместо прежних 4 процентов, будет платить теперь частным лицам по 3 процента. Еще гораздо больший выигрыш состоит в том, что теперь несомненно приостановится возрастание суммы вкладов, и таким образом государство будет избавлено от тех расходов, в которые волеело бы его увеличение цифры вкладов. Но самая значительная выгода для государства, как и для частных лиц, состоит, конечно, в том, что при множестве помещений, представляемых ныне капиталам потребностями промышленности, те деньги, которые без указа 20 июля пошли бы на бездейственное погребение в ломбардах, будут обращены теперь на промышленные предприятия. Серьезная и как нельзя более благовременная мера, принятая правительством, очень ясно и убедительно говорит нам, что пора нашим капиталам начать двигаться самостоятельно, что довольно уже времени мы обременяли правительство своею апатическою привычкою все свои дела предоставлять его попече-

нию, что пора нам начать самим заботиться о своих делах. Это будет выгоднее и для государства, и для нас самих.

Понижение процентов с 4 процентов на 3 процента есть важнейшее событие последних месяцев. Высочайший указ об этом, конечно, прочитан всеми, и нам нет нужды повторять здесь подробности, определяющие способ приведения в действие меры столь благоразумной; но важность основных мер такова, что не мешает вникнуть в последствия, из нее вытекающие.

Цель распоряжения двоякая: «с одной стороны, по словам высочайшего указа, устранить ущерб, предвидимый для банковых установлений от накопления вкладов, с другой — дать праздным капиталам направление, более соответственное пользам государства».

Для достижения первой цели указ 20 июля, сверх понижения процентов на частные вклады, весьма логично понижает в степени еще более значительной проценты на вклады казенных ведомств; именно между тем, как на частные вклады банки будут выдавать 3 процента, вклады казенных ведомств будут получать только 1½ процента приращения. Это весьма справедливо; в последнем случае государство производит платеж процентов само себе, следовательно, тут нет ни прибыли, ни ущерба для государства, а есть только передвижение сумм из одного ведомства в другое. Весьма разумно указом 20 июля полагаются тесные пределы этому передвижению, потому что, с одной стороны, чем более сокращается оно, тем более сокращаются взаимные расчеты между ведомствами, а с другой стороны, совершенно уничтожать этих расчетов не должно, потому что получением процентов на экономические суммы поддерживается в каждом ведомстве убеждение в выгодах экономии.

Что же касается второй цели, предлагаемой правительством, нет сомнения, что она будет достигнута превосходным образом. Если мы предположим, что действие высочайшего указа от 20 июля ограничится даже только тем, что сумма вкладов уже не будет возрастать, как возрастала до сих пор, то очевидно, что в течение четырех лет обратится на оживление промышленных предприятий, по крайней мере, 200 000 000 р. с<еребром>, которые иначе нашли бы себе неподвижность в банках: из сравнения цифр по отчетным г. министра финансов за 1852 и 1856 годы, мы видим, что в течение четырех лет масса вкладов увеличилась почти на 200 000 000, или, средним числом, почти на 50 000 000 руб. с<еребром> ежегодно. (Этот размер ежегодного увеличения указывается и самым отчетом г. министра финансов за 1856 год, показывающим, что излишек в поступлении вкладов перед их востребованием простирался в прошедшем году до 47 503 094 руб. с<еребром>.) Этой последней цифры достаточно для построения 1000 верст железных дорог; ее достаточно для образования нескольких могущественнейших обществ морского

пароходства; для образования многих громаднейших мануфактурных или заводских акционерных компаний. Чтобы вполне понять, какое громадное движение в промышленности должно быть произведено обращением на нее вновь не более, как одной ежегодной суммы, вносившейся до сих пор в банковые учреждения, мы скажем, что основной капитал всех пятнадцати акционерных обществ, показанных в «Месяцеслове» на 1857 год, составляет в сложности менее, нежели 20 000 000 р. с <еребром> *.

Теперь можно вообразить, какое гигантское развитие должна получить наша промышленность, когда на ее оживление будут ежегодно обращаться те 50 000 000 руб. сер <ебром>, которые до сих пор вносились в ломбарды, чтобы лежать там.

Этим еще не ограничиваются выгодные следствия меры, поставленной высочайшим указом 20 июля. Понижение процентов, уплачиваемых кредитными учреждениями, дало правительству возможность, по выражению высочайшего указа, «уменьшить в соразмерности проценты по ссудам из банковых установлений под залог недвижимых имуществ и даровать заемщикам возможное в платеже таковых ссуд облегчение». Таким образом, вместо прежних 6 проц., отныне будет взиматься государственными кредитными учреждениями по ссудам 4 проц., по займам под залог населенных имений также по 4 проц. и под залог домов 5 процентов. Нет надобности говорить, как благодетельно и огромно прямое облегчение, даруемое этим понижением чрезвычайно многочисленному разряду лиц, получивших ссуды и займы из кредитных учреждений; но не должно также забывать о другом, еще более широком действии такого понижения, — мы говорим о том косвенном влиянии, которое по необходимости должно оно произвести на процент по займам между частными лицами. Хотя некоторые односторонние политико-экономы и полагают, будто частный кредит находится вне зависимости от правительственных мер, но такое мнение отвергается здравой теорией. Конечно, нельзя декретировать процента для сделок между частными людьми: он находит средство ускользать от всякого контроля составлением векселей и других обязательств на фиктивные суммы. Но тем не менее в руках правительства находится могущественное средство косвенным образом действовать на этот процент, ускользаю-

* 1) Российско-американская компания, 2) Первое страховое общество, 3) Второе страховое общество, 4) Страховое товарищество «Саламандра», 5) Коммерческая компания «Надежда», 6) Общество застрахования пожизненных доходов, 7) Общество Царскосельской железной дороги, 8) Общество пароходства по Волге 1843 года, 9) Общество пароходства «Меркурий», 10) Камско-волжское пароходное общество, 11) Общество пароходства «Польза», 12) Общество С.-Петербургской бумагопрядильной мануфактуры, 13) Товарищество Суксунских горных заводов, 14) Компания Царевской мануфактуры, 15) Общество заводской обработки животных продуктов. Основные капиталы всех этих пятнадцати обществ составляют в сложности 19 500 000 р. с <еребром>.

щий от прямой зависимости. Процент определяется, как и все на свете, отношением предложения к запросу, и потому очевидно, что когда огромная масса капиталов, которым располагают государственные кредитные учреждения, предлагается по проценту менее высокому, нежели прежде, то это понижение должно отразиться и на проценте, получаемом частными кредиторами. Оптовый торговец хотя и не имеет возможности прямым образом удержать мелких торгашей от требования за их товар той суммы, какую им угодно требовать, но тем не менее, он всегда заставляет их понижать цену, когда сам понижает цену на свои огромные запасы товаров; точно так же и государство, которое перед частными капиталистами то же самое, что барон Штиглиц перед купцами 3-й гильдии, всегда может иметь хотя косвенное, но тем не менее очень сильное влияние на процент займов у частных кредиторов. Нельзя сомневаться в том, что настоящее понижение процентов по займам государственных кредитных учреждений заметным образом отзовется и в понижении обыкновенных процентов по займам частных капиталов. Нет надобности говорить, как полезно будет это косвенное действие для успеха нашей торговли и промышленности, развитию которых одним из главных препятствий представлялось до сих пор чрезмерная высота процентов, требующихся у нас частными капиталами. Чем ниже процент на капитал, тем более необходимости капиталу заботиться о быстроте своего обращения, тем менее ему возможности дремать и бездействовать.

Высочайший указ от 20 июля будет иметь сильное и благотворное влияние на возбуждение нашей промышленной деятельности.

Рассматривая отчет г. министра финансов о действиях государственных кредитных учреждений за прошедший год, мы заметим следующие факты и цифры:

Временные выпуски государственных билетов, производившиеся по высочайшему указу 10 января 1855 года, для покрытия военных издержек, прекращены указом 5 апреля текущего года.

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета 10 июля 1857 года увеличен размер ссуд из Коммерческого банка под залог билетов различных кредитных установлений. Вместо пропорции 60—90 проц. разрешено выдавать взаем 70—95 проц., смотря по различию в наименовании билетов.

К 1 января 1857 года, государственных
долгов, срочных и бессрочных, внеш-
них и внутренних состояло . . . 521 987 810 р. серебром

Государственный коммерческий банк

Под учет векселей, залог товаров, банковых би-
летов; квитанций Алтайского и Уральского
горных правлений, выдано . . . 29 500 475 р. серебром

Экспедиция государственных кредитных билетов

В 1856 году выпущено в народное обращение государственных кредитных билетов: за вклады, внесенные звонкою монетою и слитками, за 50-ти рублевые билеты сохранных казен и Заемного банка выпуска 1841 г. и в подкрепление Государственного казначейства	287 640 658 р. серебром
К 1 января 1857 г. кредитных билетов находилось в народном обращении	689 269 844 р. серебром

Сберегательные кассы

К 1 января состояло вкладов:

1856 г.	1857 г.
2 827 420	3 377 541

Увеличение вкладов в сберегательных кассах, свидетельствуя о развитии привычки к экономии между людьми мало зажиточными, составляет, как известно, факт отраднй.

Общая сумма капиталов, обращающихся во всех государственных кредитных учреждениях, составляла

	к 1 января	
	1856 г.	1857 г.
Вклады . . .	924 681 639	1 002 639 068
Ссуды . . .	1 039 592 255	1 010 270 781

Развитие, а не стеснение нашей промышленности, было целью и нового тарифа³, столь значительно понизившего пошлину на многие статьи, обложенные почти запретительно пошлиной по прежнему тарифу, отменившего запрещение многих продуктов, запрещенных прежде. Теперь уже поздно вводить в наши заметки рассуждения об этой мере, последовавшей несколько месяцев тому назад, и мы заговорили о новом тарифе только для того, чтобы обратить внимание читателей на прекрасную статью о нем, помещенную г. Бабстом в №№ 96 и 97 «Московских ведомостей». Обыкновенно люди, защищающие понижение пошлин, обманываются предрассудками многих фабрикантов, восстающих против этого, и склоняются их необдуманнми протестами к той мысли, что, в самом деле, стесняются фабрики, что низкий тариф, выгодный для потребителя, по необходимости не выгоден бывает фабриканту. Г. Бабст очень верно и ясно доказывает, что это совершенное заблуждение; что благоразумное понижение пошлин и фабриканту бывает столь же выгодно, как и потребителю; что высокие покровительственные пошлины, доставляя верный сбыт дурным товарам плохих фабрик, мешают увеличению сбыта товаров хорошей фабрики, которая соперничеством иностранной фабрики если и будет принуждена понизить цену своих това-

ров, то найдет зато вознаграждение в расширении круга потребителей и в результате выиграет, а не проиграет через уничтожение покровительственной опеки, которая если отстраняет полезное соперничество иностранной фабрикации, зато вызывает против хорошего фабриканта соперничество дурных фабрикантов, которые для него гораздо опаснее. С иностранными фабрикантами он может бороться без потерь, потому что средства борьбы у них одинаковы: знание, деятельность, капитал, честность. Но гораздо затруднительнее для хорошего фабриканта совместничество людей, которые недостаток знания и деятельности стараются заменить обманами в качестве и недобросовестными проделками в сбыте товаров. Этих-то врагов всякого хорошего производителя поддерживает покровительственная система. Поэтому-то, говорит г. Бабст, понижение пошлин бывает для солидных фабрик не менее выгодно, нежели для потребителей, и эти справедливые соображения заключает следующими словами:

«Никогда не должно упускать из виду одной из главных экономических истин, что самые верные и высокие барыши не столько зависят от высоких цен на товары, сколько от величины и обширности сбыта; не должны также забывать наши производители, что их интересы тесно связаны с интересами всех остальных слоев потребляющего народонаселения, что цветущее состояние и обширные размеры всех отраслей мануфактурной промышленности обуславливаются степенью благосостояния и зажиточности всего вообще народонаселения. Фабриканты первые должны поднимать голос в пользу всякого рода экономических преобразований, первые должны понять, как сильно стесняют развитие производительных сил настоящие условия народного труда, и громко указывать на это грустное явление, парализующее развитие отечественной мануфактурной промышленности, они первые должны стараться и заботиться о том, чтобы сняты были все внутренние таможенные, которых так много, т. е. все стеснения, все преграды, опутывающие свободный обмен ценностей и самостоятельность народного труда. Производители должны прежде всего заботиться, чтобы на внутреннем рынке ни один Ардаальон Михайлович, никакой Александр Михеич не смел бы показать к ним носу ни на фабрику, ни на завод, чтобы товар поспевал и дешево и во-время, а не по благоусмотрению попечительного дистанционного начальника, чтобы земля, купленная под фабрику за 90, напр., рублей, не обходилась фабриканту, благодаря заботливости известных людей, в 300 р. и т. д., — вот о чем не мешало бы заботиться нашим производителям для блага своего и для блага целого края, вот отчего дороги наши товары, вот что задерживает развитие отечественной промышленности. От уничтожения всех подобных застав и пошлин можно только ожидать широкого развития производительных сил, а не от боязливого охранения себя высоким тарифом. В первом случае выигрывает целый край, оживится все промышленное народонаселение, в последнем видна только эгоистическая забота узких интересов производящего меньшинства упрочить за собой монополию к явному ущербу целого края. Заговорив фабриканты дружно о первом, и им откликнутся радостно все, кому только дорого процветание родного края».

Из других правительственных мер, касающихся нашей промышленности, заметим прекращение порто-франко в Одессе⁴ (с 15 августа) и заключение торговой конвенции с Францией. По этому «Трактату о торговле и мореплавании» русским во

Франции и французам в России предоставляются в торговле и промышленности все те привилегии, льготы и прочие преимущества, которые ныне предоставлены или впредь предоставлены будут туземным подданным (статья 1). Французские суда во всех портах империи и Великого княжества Финляндского не платят никаких пошлин и сборов, кроме тех, какие платятся русскими судами (статья 3). Франция, с своей стороны, дает подобные же льготы нашим судам во французских и алжирских портах (статья 4). Договаривающиеся правительства, желая упрочить полное покровительство мануфактурной промышленности обоюдных подданных, согласились, что всякая подделка в одном из обоих государств фабричных знаков, прилагаемых в другом государстве к товарам для доказательства их происхождения и качества, будет строго воспрещена и преследуема (статья 22). Обе высшие договаривающиеся стороны предоставляют себе определить особую конвенцию способы для взаимного обеспечения литературной и художественной собственности их обоюдных государств (статья 23). Трактат этот заключается на шесть лет (статья 24).

Меры, обращаемые 23-ею статьею этого трактата для взаимного обеспечения литературной собственности, имеют в настоящее время для русских литераторов уже не меньший интерес, нежели для французских. Право перевода своих сочинений, которым прежде могли интересоваться только французские писатели, в настоящее время становится важно уже и для русских, потому что русских книг во Франции переводится не многим меньше, нежели французских в России, и, конечно, эти переводы расходятся во Франции больше, нежели оригинальные сочинения у нас.

То оживление русской промышленной деятельности, которое составляет цель распоряжений правительства, изложенных нами выше, началось учреждением знаменитой компании для постройки сети железных дорог от Нижнего-Новгорода и Феодосии до прусской границы и Либавы. После того важнейшим промышленным фактом было образование Русского общества торговли и пароходства на Черном море. Теперь образуется третье общество, имеющее не менее блестящие виды в будущем. Сообразно докладу Комитета гг. министров, от 25-го июля, государь император высочайше утвердил устав акционерного общества, учреждающегося преимущественно на юге России для приготовления продовольственных веществ и торговли ими. Учредители общества — гг. Байков, фон-Дезин, Бенардаки, Кокорев и французский подданный Шолле. Общество это предполагает заниматься приготовлением мяса впрок и обработкою животных продуктов с торговлею ими. Для того оно устроит, преимущественно на юге России, бойни, заведения для приготовления мяса впрок и солонины, салотопные заводы, кожевенные заводы, заведения для приготовления костяного порошка и желатины, для приготовления

в продажу рогов и копыт, для обработки жил и проч. Независимо от того, общество предоставляет себе право открывать и другие промыслы, относящиеся к главной его цели. Капитал общества определяется в 3 000 000 руб. сер<ебром>, разделенных на 24 000 акций по 125 р. с<еребром> каждая. Капитал составляется посредством четырех выпусков акций, каждый раз по 6 000 акций на сумму 750 000 р. сер<ебром>. Два первые выпуска поступают в продажу немедленно по утверждении устава общества, следующие два по определению общего собрания акционеров; учредители обязываются взять не менее одной шестой части акций. Из чистой годовой прибыли учредителям отделяется в течение 12 лет половина той прибыли, которая будет превышать десять процентов на капитал, потом еще в течение шести лет третья часть этой прибыли свыше десяти процентов. Если общество найдет нужным для консервов выписывать жесты или жестянки из-за границы, то при вывозе этих жестянок с консервами за границу, взятая с них при ввозе пошлина возвращается обществу.

По распродаже акций на 300 000 р. с<еребром> учредители немедленно созывают общее собрание акционеров для выбора директоров. Число директоров назначается шесть, в том числе четыре русских и два французских, в случае если число акций, взятых во Франции, будет составлять одну треть всех акций. Правление и главная контора общества находится в С.-Петербурге. Кроме того, по мере надобности, учреждаются другие конторы в России и за границею.

Нет сомнения, что этому обществу, главным предметом действий которого будет, как видно, торговля приготовленными им животными продуктами и мясом с Франциею, предстоит блистательный успех. Несомненно также и то, что круг действий его будет очень широк: в этом уверяют имена учредителей, из которых некоторые занимают первые места между русскими капиталистами.

Замечательнейшею чертою нового общества надобно считать то, что оно, как видно из статьи устава о соединении в правлении общества русских директоров с французскими, учреждается при взаимном участии русских и французских капиталистов, с преобладанием первых. После Главного общества русских железных дорог⁵ это второй пример столь тесного соединения промышленных сил обеих наций для одного дела. Но в обществе железных дорог главное участие и в капиталах и в руководительстве исполнением предприятия принадлежит французам, а в новом обществе — русским.

Другое обширное акционерное общество, вновь образованное — Общество Сампсониевской мануфактуры, высочайше утвержденное по докладам комитета гг. министров от 2 и 16 июля. Сампсониевская механическая мануфактура, поступающая в соб-

ственность общества, будет заниматься изготовлением винтовых и колесных пароходов, чугуном и медным литьем, крупною железною ковкою и производством всяких механических изделий для железных дорог. Первоначальный капитал общества назначается в 1 500 000 рублей серебром с разделением на 15 000 акций по 100 рублей. По усмотрению общества капитал может быть умножен выпуском добавочных акций еще на 1 500 000 рублей серебром. Учредитель, с.-петербургский купец г. Нобель, которому до сих пор принадлежала Сампсониевская механическая мануфактура, обязывается приобрести акций не менее как на 100 000 рублей серебром. Обществу предоставляется право для построения пароходов устраивать верфи. Изготовленные обществом пароходы до продажи могут быть употребляемы для перевозки клади и пассажиров.

Кстати о пароходах. В июле в Костроме спущен на воду первый пассажирский пароход «Алексей», с верфи механического завода г. Шипова⁶. Он построен русскими механиками гг. Везинским и Цыгановым. «Алексей» назначен для перевозки пассажиров. Машина его в тридцать пять сил. С полным грузом, то есть имея сто двадцать пять человек пассажиров и запасшись дровами, он сидит в воде только семнадцать дюймов, так что может ходить по всему мелководному верху Волги, не опасаясь мелей. Пробный рейс «Алексея» доказал искусство русских его строителей. При давлении $2\frac{1}{3}$ атмосфер и при тридцати шести до тридцати девяти оборотах колеса в минуту он ходит семнадцать верст в час против течения и ветра. Теперь готовится к спуску с верфи г. Шипова другой пароход «Владимир» в шестьдесят сил. К следующей весне будут на этой верфи построены еще четыре парохода, каждый в сто двадцать сил. «Нельзя умолчать, прибавляет автор статьи в «Костромских губернских ведомостях», что г. Шипов первый в России рискнул пожертвовать огромный капитал на устройство своего механического заведения, вверив его не иностранцам, а русским технологам, которые, впрочем, вполне оправдали его доверенность как совершенным знанием дела, так и своею старательностию и неутомимостию в трудах».

В «Томских губернских ведомостях» помещена любопытная статья о развитии пароходства в Сибири⁷. В настоящее время четыре буксирные парохода совершают рейсы по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, проходя мимо Тобольска, где соединяются Иртыш с Тоболом, и села Самарова, в двадцати пяти верстах от которого вливается Иртыш в Обь. Два парохода, во сто сил каждый, совершают в лето шесть рейсов от Томска до Тюмени, провозя каждый до 100 000 пудов клади. Два другие имеют шестьдесят и сорок сил.

Последняя война, слишком ясно доказав необходимость в улучшении наших сообщений, дала, надобно признаться, главный толчок той деятельности, которая теперь обнаруживается

по этой части. Но убеждением в необходимости железных дорог не ограничиваются полезные указания опыта нашего в 1854—1855 годах. Блокада черноморских и балтийских портов, принудившая нас обратиться к способу отправления товаров в Западную Европу через прусскую границу, открыла для торговли наших юго-западных губерний новый путь, обещающий большие удобства для сбыта к Данцигскому порту. Ныне открыт Пинский канал, соединяющий Западный Буг, впадающий в Вислу, с Припетью, впадающею в Днепр. Это сообщение очень важно для Украины. Автор статьи в «Киевских губернских ведомостях»³, из которой мы заимствуем эти сведения, предполагает, что вся та солонина, которую ныне Англия покупает в Америке, может быть доставляема из наших юго-западных губерний по Пинскому каналу. Этот расчет, быть может, ошибочен. Степные губернии, которые могут с выгодой торговать мясом, лежат к Черному морю ближе, нежели не только к Данцигу, но и к Киеву. Отправление их продуктов не только во Францию, но и в Англию чрез черноморские порты будет дешевле, нежели провозка вверх по Днепру и Припети через Пинский канал. Но этот последний путь может оживить южную часть Минской, северную часть Каменец-Подольской и, может быть, прилежащие части Черниговской и Могилевской губерний, которые чрез него найдут сбыт для своей пеньки и льняного семени.

Желание оживить народную жизнь, столь ясно замечаемое в постановлениях и мерах правительства, относящихся к промышленной деятельности, внушает ему меры для отстранения стеснений и тягестей, которыми связывалась народная жизнь в других сферах и отношениях. Ничего не может быть почтеннее того принципа, на котором основано устройство козацких племен. Каждый мужчина из козацкого племени соединяет в себе воина с мирным гражданином. Он привык владеть оружием и сражается не хуже регулярного солдата, но в то же время он земледелец или промышленник. Военская служба не есть источник его содержания: он живет самобытными, мирными занятиями. За оружие он берется не потому, что кормится им, а только для того, чтобы защищать родину. Принцип этот превосходен. Но для того, чтобы быть действительно необременительным, он, конечно, должен в своих применениях сообразоваться с потребностями материальной и гражданской жизни. Одно из неудобств, существовавших от слишком тесного понимания воинских обязанностей козака, отстранено высочайше утвержденным 8 июня представлением департамента военных поселений. Молодые люди, окончившие курс в высших учебных заведениях, иногда принуждались служить строевыми козаками, между тем как при своих занятиях могли бы принести козацкому обществу гораздо больше пользы, да и себя чувствовали бы гораздо счастливее, если б им позволялось оставаться при тех социальных занятиях, к которым они

себя приготовили. Это разрешено новыми правилами, составленными департаментом военных поселений, по вопросу, возбужденному г. министром народного просвещения⁹.

«1. Молодых людей, из козачьего сословия, окончивших курс наук в учебных заведениях и выпущенных из оных с чинами гражданскими, или с правами на сии чины, определять, по их желанию, в должности по учебной части козачьих войск, к коим они принадлежат, если имеются вакансии таких должностей.

2. При определении в означенные должности зачислять их урядниками и затем, не считая их в строевом составе войск, производить в хорунжие: выпущенных из средних учебных заведений с чином коллежского регистратора, или с правом на этот чин, через один год со дня определения в службу; выпущенных же из высших учебных заведений с чином или правом на чин 12-го класса через шесть месяцев, а с чином или правом на чин 10-го и 9-го классов, через три месяца со дня определения в службу.

3. Дальнейшее производство в чины училищных чиновников козачьих войск установить согласно правилам, высочайше утвержденным 9 декабря 1856 года: из хорунжих в сотники через три года, из сотников в есаулы через шесть лет, из есаулов в войсковые старшины через три года, из войсковых старшин в подполковники через четыре года и из подполковников в полковники через четыре года».

[...Как во всех других, так и в этом отношении очень замечательна «История козацких войн при Богдане Хмельницком» г. Костомарова. При появлении первых глав этого рассказа мы уже отдавали справедливость таланту ученого и проницательного автора; через несколько времени мы надеемся подробнее говорить об его произведении, последние главы которого напечатаны в августовской книжке «Отеч. зап.», а теперь заметим одну черту этого рассказа: отсутствие предубеждения против польской нации. До сих пор этого беспристрастия не встречалось в русских сочинениях о казацких войнах. Следствием такой широты взгляда было открытие факта, чрезвычайно важного и совершенно изменяющего наш взгляд на характер козацких войн.

Козацкие войны не были в сущности борьбою одной национальности против другой, хотя военный крик с одной стороны был «независимость Малороссии», с другой стороны «владычество Польши». Они также не были в сущности религиозными войнами; хотя, с одной стороны, говорилось, что дело идет о сохранении православия, с другой — говорилось, что необходимо распространить в Малороссии унию. Эти причины к вражде, выставлявшиеся на первый план прежними историками, действительно существовали, действительно способствовали усилению распрей; но была [способствовавшей] распрям другая причина, еще более сильная, единственная коренная причина всех козацких войн: это стремление польских панов к диспровержению гражданского устройства Малороссии, стремление их отнять гражданские права у населения Южной Руси.

Если бы не это стремление, все другие причины распрей могли бы быть устранены, часто они даже и устранялись, но их устра-

нение ничему не помогло: как только польские паны вновь являлись в Украину с своими притязаниями, тотчас же разгоралась война. Имея в виду это обстоятельство, легко понять, почему казаки, с одной стороны, часто рассчитывали на сочувствие польского населения к своему делу, с другой стороны, встречали себе многих врагов между своими единоплеменниками и единоверцами. Адам Кисель, хотя был малоросс и православный, смотрел на Богдана и его воинов точно такими же глазами, как польские паны. Понятно также становится, почему казаки были сначала одобряемы к вооруженной борьбе самим королем польским, что, конечно, было бы невозможно, если б война эта была в самом деле национальной войною для Польши. Нет, война в сущности шла просто из-за вопросов гражданского права. Казаки не хотели, чтобы польские паны в Малороссии пользовались теми гражданскими правами, которые успели утвердить за собою в самой Польше, и полное торжество козаков, для самой Польши, было бы облегчением, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились. Таким образом, если смотреть на козацкие войны с настоящей точки зрения, они не представляются борьбою национальностей, на стороне польских панов были и некоторые малоруссы, а казаки находили сочувствие и в населении коренных польских провинций].

Интересна также в августовской книжке «Отечественных записок» статья г. Чичерина о книге Токвиля¹⁰. От многих из людей, восхищавшихся прежде статьями г. Чичерина, мы слышали недовольство этим последним его произведением и должны сказать, что с их стороны такое недовольство едва ли основательно: основная мысль в статье о Токвилле та же самая, как и в «Областных учреждениях»: здесь г. Чичерин говорит в пользу централизации, и там говорил также в пользу централизации. В то время мы считали справедливым заметить, что едва ли предмет его сочувствия заслуживает особенного сочувствия¹¹, но тем не менее книга казалась нам проникнута взглядом очень благородным, — то же надобно сказать и относительно статьи о Токвилле. Предубежденные неблагоприятными отзывами об этой статье, мы начали читать ее с недоверием, но увидели, что г. Чичерин остался совершенно верен самому себе, и надобно сказать, что во многих случаях он нападает на Токвиля совершенно справедливо. Конечно, нельзя не пожалеть о том, что любовь свою к централизации доводит он до осуждения всех принципов, которые были низвергнуты ею во Франции. Стремление горожан были основаны на началах более высоких, нежели стремления, одушевлявшие представителей централизации во Франции, и, чтобы ни говорил г. Чичерин, у этих горожан не было недостатка в любви к отечеству, они не забывали Францию для Парижа и Лиона. Вся вина их состояла только в том, что они были слабее как цент-

рализаторов, так и феодалов. Слабейший не всегда есть худший, и не всегда в истории прогресс совершался, если можно так выразиться, путем строгой экономии, путем торжества именно наилучших элементов. Часто, напротив, торжествовал узкий эгоизм, опирающийся на слепом невежестве или на излишней доверенности тех, помощью которых он пользовался. Разве, например, альбигойцы не были гораздо лучше доминиканских полчищ Симона Монфортовского? И разве Колинчи не был лучше герцогов Гизов? То же надобно сказать и о французских горожанах. Неужели же в самом деле победа есть несомненный признак справедливости, неперемное право на сочувствие историка? Можно сильно сомневаться в том, до какой степени Ришельё и Мазарини были благодетели Франции. Можно сильно сомневаться и в том, что торжество Этьена Марсея было бы гибелью для Франции¹². Ясно, по крайней мере, то, что Жанна Д'Арк вышла не из круга тех людей, которые хлопотали о централизации. Но сделав все эти оговорки, надобно сказать и то, что если уже выбирать между Токвиллем и г. Чичериним, то г. Чичерин гораздо больше прав, нежели Токвилль, который из нелюбви к централизации без разбора восхищается всем, что только боролось против этого принципа, не разбирая того, что если горожане были во сто раз лучше централизаторов, то централизаторы были в тысячу раз лучше феодалов. Если бы г. Чичерин ограничивался тем, чтобы ставить централизаторов выше феодалов, он был бы совершенно прав. Еще одно замечание: зачем он начинает свою статью осуждением тех историков, которые пишут под влиянием своего взгляда на потребности настоящего времени? Иных историков никогда не было и быть не может: каждый излагает факты сообразно своим убеждениям, а убеждения влагаются в человека настоящим временем и его потребностями. *Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum* * — одна из тех фраз, которые всеми повторяются и никем не исполняются. Так, например, сам г. Чичерин в своих «Областных учреждениях» вовсе не был человеком беспристрастным. Он писал свое сочинение против славянофилов, — это дело ясное. А ведь он был тогда прав. Дело не в том, чтоб историк писал без идеи подтвердить свои убеждения образом прошедшего — дело в том, каковы его убеждения. Если они действительно широки и благородны, он будет беспристрастен: правое дело не нуждается ни в натяжках, ни в утайках, ни в искажениях фактов. Токвилль не тем виноват, что пишет под влиянием своих убеждений: без убеждений он был бы Гранье де-Кассаньяком, то есть историком во сто раз худшим и пристрастнейшим, нежели теперь. Это хорошо, что у него есть убеждения. Но убеждения его узки и нелогичны — вот это жаль. Не в том беда, что Токвилль человек партии: по закону Солона считался вредным для отечества челове-

* История пишется для того, чтобы рассказать, а не доказать. — Ред.

ком афинянин, не принимающий ни чьей стороны во время борьбы партий; беда в том, что та партия, которую выбрал Токвиль, далеко не совсем справедлива, да и не совсем чиста. Будь адвокатом каждый кто может, но будь адвокатом правого дела. Таков г. Чернин; и потому, несмотря на его пристрастия к централизации, он все-таки пишет статьи и книги, достойные всякого уважения.

Наконец мы должны обратить внимание читателей на тот благородный пример обращения со стороны публичного лица к гласности для оправдания официальных действий, который недавно подан господином исправляющим должность с.-петербургского гражданского губернатора Н. М. Муравьевым. В № 152 «С.-Петербургских академических ведомостей» г. Рыбкин, говоря о причинах дороговизны хлеба в Петербурге, заметил между прочим, что городское начальство продолжает взимать сбор по две копейки серебром с куля, назначенный на устройство хлебной пристани, хотя эта пристань давно уже устроена. Слова эти были несправедливы, и г. Муравьев, в качестве управляющего губерниею имеющий надзор за действиями городского начальства, не мог не обратиться на них внимания, при существующем в некоторой части публики мнении, что дороговизна хлеба происходит до известной степени от пошлин, взимаемых городом. Как же поступил г. Муравьев в этом случае? Именно так, как должен был поступить, как мог поступить, имея справедливость на стороне подведомственного ему городского управления. Он прислал к г. редактору «С.-Петербургских ведомостей» следующее официальное отношение:

«М. г. в № 152 издаваемых вами «Санктпетбургских ведомостей» напечатана статья, за подписью Ф. Рыбкина, под заглавием: «Несколько слов о временном повышении цен на хлеб и другие товары».

«В статье этой, исчисляя все расходы, с коими сопряжена доставка хлеба в Санктпетбург, автор упоминает и о взимаемом в здешней столице особом сборе на устройство хлебной пристани, которая, как говорит он, давно уже выстроена.

«Рассуждение это оказывается совершенно несправедливым, в чем вы можете убедиться из прилагаемой к сему статьи, составленной по приказанию моему, на основании официальных данных, заключающихся в делах вверенного мне управления.

«Не разбирая причин, побудивших автора вовлечься в такую погрешность, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, распорядиться напечатанием в ближайшем № Ведомостей прилагаемой статьи, служащей опровержением статьи г-на Рыбкина.

«Исполнением настоящего требования редакция выкупит перед публикой ошибку свою, конечно невольную, и выполнит свой долг перед правительством, которого распоряжения если и могут сделаться предметом оценки, то однако благонамеренной и без искажения истины.

«Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть вашим покорнейшим слугою».

При отношении была приложена статья, которая вместе с ним напечатана в № 161 «С.-Петербургских ведомостей». Она фактами и указаниями на решения комитета гг. министров подробно

объясняет, что 1) постройка хлебной пристани в Петербурге еще не совсем кончена; 2) двухкопеечный сбор с куля предназначен не на одну только постройку этой пристани, но имеет также и другие назначения, именно служить к вознаграждению за постройку хлебных магазинов Александро-Невской лавры, которая и получает половину его, между тем как другая половина должна, кроме постройки пристани, обращаться на ремонт ее и на усиление общих городских доходов.

Надобно признаться, что объяснения, данные этою статьею, не оставляют места сомнению в справедливости сбора и что образ действия, принятый в этом деле г. Муравьевым, конечно, есть единственный полезный способ отвечать на указания злоупотреблений. Если указание верно, прямое признание фактов со стороны лица, принимающего контроль над действиями людей, допустивших злоупотребление, конечно, скорее всего способно заставить верить в его искреннее желание уничтожить злоупотребление и восстановить нарушенную законность. Если же, как в настоящем случае, указание ошибочно, опять-таки прямой ответ с изложением фактов представляется единственным средством вывести публику из ошибки, — публику, говорим мы, потому что журнальная статья всегда основывается на мнении, уже существующем в публике независимо от статьи. Писатель не придумывает это мнение, а только выражает его, и появление его статьи во всяком случае есть обстоятельство выгодное для контроля, потому что дает ему возможность уничтожить ложное мнение.

< ИЗ № 10 «СОВРЕМЕННОГО» >

Отчет г. министра народного просвещения за 1857 год. — Речь г. Пирогова на акте Ришельевского лицея. — Статья «Земледельческой газеты» о народном образовании; о телесных наказаниях и о семейных нравах простолюдинов. — Правила содержания ремесленных учеников. — Средства к прекращению взяточничества. — Движение промышленности. — Товарищество Кренгольмской мануфактуры. — Повышение цен акций вследствие нового постановления о банковых процентах. — Необходимость новых промышленных предприятий для помещения капиталов. — Пароходство на Волге. — Условия для развития антрацитовых копей Донского бассейна. — Варшавская промышленная выставка.

Едва ли какое-нибудь другое европейское государство имеет столь сильную потребность в деятельнейших заботах о распространении просвещения, как Россия. Конечно, и в Англии, и во Франции, и в самой Пруссии остается еще очень, очень многого желать по этому делу. И в этих государствах еще не все дети получают хотя бы первоначальное образование, а из юношей только меньшинство посещает высшие классы гимназий, реальных школ, коллегий и проч., а еще несоразмернее с числом населения число людей, окончивших курсы в университетах и соответствующим

щих им учебных заведений. Но если эти государства еще далеки от достижения идеала в деле народного образования, то Россия и с ними сравнится только тогда, когда в двадцать раз увеличится число ее школ и в сорок раз умножится число учащихся в этих школах. Во Франции из 100 человек только 40 не умеют читать и писать; в Англии из 100 только 25; в Пруссии почти не найдется уже таких людей, которые не умели бы читать и писать. У нас на 100 человек наверное не придется и пяти человек грамотных; на 15 000 человек приходится только один, слушающий курсы в университете или лицее.

Но если нам надобно пройти еще очень много пути, чтобы сравняться хотя с Франциею, не говоря уже о Шотландии, Швейцарии или Северной Германии, то надобно сказать, что у нас не представляется для успехов на этом пути тех препятствий, с которыми должны бороться западные правительства в своих заботах о просвещении. Во Франции и Бельгии, да и во всех других католических странах, правительство имеет против себя в деле народного образования очень сильную, чрезвычайно деятельную и хитрую партию ультрамонтанцев; она прикрывается именем католичества при своем упорном сопротивлении мерам правительства на пользу просвещения и очень часто успевает возбуждать против них неверие в непросвещенной массе. Почти таково же положение дела и в Англии, с тою только разницею, что в заботах о просвещении место правительства заступают тут союзы частных лиц, а враги просвещения называются не ультрамонтанцами, а «строгими англиканцами» (High Church Party), — эти обскуранты успели даже до сих пор удержать в своих руках знаменитейшие и привилегированные учебные учреждения Англии, университеты Кембриджский и Оксфордский, в которых могут процветать многие специальные науки, но дух преподавания более свойствен XVII, нежели XIX веку. Даже в Пруссии правительство в деле просвещения должно выдерживать очень тяжелую борьбу с лютеранскими догматиками.

Ничего подобного у нас нет. Не говоря уже об открытом противодействии мерам правительства на пользу просвещения, мы не можем отыскать никакой партии или секты, которая хотя тайными желаньями не благоприятствовала бы каждому усилию правительства в этом деле. У нас разве грубый невежда может быть противником этих мер, да и то только тогда, когда с невежеством соединяется в нем злонамеренность. К счастью, число людей злонамеренных в каждой нации очень невелико и не должны бы они иметь нигде ни малейшего влияния уже по одному тому, что зло само по себе бессильно, если не может прикрываться предлогами добра, — а в деле просвещения самые хитрые из злонамеренных людей не могут у нас отыскать никакой благовидной причины к советам помедлить, повременить или отступить назад. Каждая мера правительства к распространению

просвещения встречается у нас таким единодушным восторгом всех сословий общества, как ни в одной из европейских стран. Разноречие о подобных мерах существует в Англии, Франции, Германии, — у нас нет и тени его. У нас даже взяточник посылает сына в университет; даже раскольник радуется заведению училища в его городке.

Беспримерно выгодно в этом, как и во всяком другом благом деле, положение русского правительства.

С этою мыслью мы прочли отчет г. министра народного просвещения за прошедший год¹; читатель согласится с нами, если вникнет в следующие цифры и факты, заимствуемые из этого отчета.

Общее число учебных заведений в империи и подведомственных министерству народного просвещения было:

В 1855 году	3872
В 1856 году	3789

Число учащихся в них

В 1855 году	194 490
В 1856 году	196 689

Столь значительно увеличение числа учащихся в 1856 году по сравнению с предшествовавшим годом, конечно, должно назваться фактом чрезвычайно замечательным. В течение одного года, как видим, число учащихся в русской империи увеличилось слишком на 2000 человек.

Из общего числа училищ (1856 г.) на долю Царства Польского с 4½ миллионов жителей, приходится 1454, остальная империя с 60 миллионами жителей имеет 2334 училища, так что на каждые 25 000 жителей приходится одно училище. Число учащихся распределяется таким образом:

Империя	125 577
Царство Польское	71 112

О состоянии литературы представляются следующие факты и цифры:

«Главное управление цензуры, следя постоянно за духом и направлением литературной деятельности в России и наблюдая, как посредственно, так и при пособии определенных к нему чиновников особых поручений, за точным исполнением правил цензурного устава, разрешало возникавшие в кругу действий подведомственных ему мест и лиц недоумения и вопросы и вообще руководствовало цензоров в сомнительных случаях.

«В 3 день декабря последовало высочайшее соизволение: по сложности обязанностей, лежащих на министре народного просвещения, возложить на товарища его, тайного советника князя Вяземского, переписку по текущим цензурным делам и непосредственное наблюдение за действиями цензурных учреждений ведомства министерства народного просвещения (кроме сврейских).

«С учреждением Ученого комитета Главного правления училищ существование Комитета рассмотрения учебных руководств (высочайше учрежденного 13 марта 1850 г.) прекращено, и цензурные его обязанности отошли к цензуре, а часть педагогическая и учебная сосредоточены в ученом комитете.

«Число вышедших в свет в 1856 году сочинений оригинальных простирается до 1405, переводных до 131; всего 1536.

«В 1855 году издавалось, под наблюдением внутренней цензуры ведомства министерства народного просвещения, журналов и газет 104. В 1856 г. начали выходить в свет, на основании высочайших соизволений: «Художественный журнал для юношества», «Музыкальный и театральный вестник», «Живописная русская библиотека», «Русский вестник», «Русская беседа» и «Сын отечества», возобновленное периодическое издание, и последовало высочайшее соизволение на издание двадцати двух периодических изданий.

«Число оригинальных сочинений 1856 г. ученого и учебного содержания, сравнительно с 1855 годом, значительно увеличилось как по числу названий, так и по объему. Сличение частных итогов по разным отраслям человеческих знаний показывает, что в 1856 году особенно увеличился объем сочинений по части географии, этнографии и путешествий; по грамматикам и другим пособиям к изучению языков; по теории и истории словесности и изящных искусств; по наукам юридическим и государственным, естественным, математическим, военным и медицинским; уменьшился же по сельскому хозяйству и технологии, а также по истории всеобщей и иностранных государств. Между оригинальными сочинениями собственно литературного содержания, сравнительно с 1855 годом, оказывается увеличение в романах и повестях, в книгах для детского чтения и в собраниях сочинений в стихах и прозе; уменьшение же усмотрено в энциклопедических словарях, альманахах и сборниках, в стихотворениях лирических и в драматических сочинениях.

«Общее число ввезенных из-за границы в Россию в 1856 году книг составляло 1282 240 томов. В 1855 году число это простиралось до 1 191 745 томов. Посему привоз иностранных книг в 1856 году увеличился 90 495 томами».

Последняя цифра доказывает, с одной стороны, как сильно развитие у нас потребности в чтении, с другой — что русская литература еще далеко не достигла такого положения, в котором бы могла удовлетворительным образом соответствовать этой потребности.

Извлечение из «Отчета», напечатанное в «Журнале министерства народного просвещения», заключается следующими словами:

«Из всеподданнейше представляемого отчета ваше императорское величество соизволите усмотреть, что высочайше вверенное мне министерство, как осмеливаясь надеяться, несмотря на крайне стесненные материальные средства свои, следует неуклонно к высочайше указанной ему цели. Просвещение, которое почерпают юноши в заведениях сего министерства, есть просвещение не поверхностное, а прочное, основанное на чистых началах нашей народной жизни, уважения к святости веры, беспредельной готовности жертвовать всем для блага отечества и полной преданности своему государю. Жажда приобретения познаний, нужных для пользы общественной, повсеместна. Удовлетворение этому благородному стремлению составляет существенную потребность настоящего времени. Поэтому одна из главнейших моих забот состоит в том, чтобы, с одной стороны, поддержать это общее стремление к образованию, а с другой — сообразить действующие ныне уставы учебных заведений с действительными потребностями государства и времени и с современным состоянием наук.

«С этою целью я лично ознакомился с состоянием вверенных мне учебных заведений и собрал на месте нужные для предлагаемого труда данные.

«Замеченные в устройстве университетских факультетов недостатки исправляются отдельными распоряжениями, для замещения кафедр достойными преподавателями приготавливаются молодые люди, которые для полноты образования посылаются за границу.

«Устройство средних и низших учебных заведений, как первых рассадников воспитания, составляет также предмет особенных попечений министерства. Оно, наблюдая постоянно за успехами учения в сих заведениях и затем делая выводы, в какой степени они соответствуют как требованиям общего образования, так и местным нуждам, обуславливающим благосостояние народное, собрало достаточные данные, на основании которых, руководимое указаниями вашего императорского величества, может ныне обновить полную систему народного образования, очистить ее от тех частных положений, которые вошли в нее разновременно и не составляют с нею ничего органического целого, и, напротив, дополнив тем, на что указывает настоящее положение вещей и современный взгляд на воспитание, дать ей надлежащее единство в целом и необходимую гармонию в отдельных частях.

«К этому главному вопросу присоединяются другие, частные — издание новых учебников, соглашение испытания преподавателей для учебных заведений всех ведомств со значением сих должностей и начертание для того правил, по возможности единообразных, как едино и само истинное образование, при всем многообразии его частных явлений.

«Этим вопросам занят в настоящее время Ученый комитет и изготавляет их для обсуждения в Главном правлении училищ, и потому истекший год, посвященный, так сказать, приготовлению к работе, не представляет еще особенных распоряжений, с тем вместе начала, в нем положенные благотворными указаниями вашего величества, зреют и в свое время должны принести полезные плоды; но для этого нужно время и устранение тех обстоятельств, которые могут затруднять достижение предположенной цели.

«С преобразованием училищ необходимо дать им и новые штаты. Я уже имел случай всеподданнейше докладывать вашему императорскому величеству, как о крайне стесненном, во всем пространстве этого слова, положении большей части настоящих деятелей на поприще народного образования (учителей средних и низших заведений) и вообще о чрезвычайно ограниченных материальных способах министерства народного просвещения, и ваше величество изволили убедиться в необходимости помочь со временем министерству.

«В деле об учреждении заведений для образования детей женского пола министерство, положив на меру общие черты предпринятого дела, встретило надобность создать и средства. Ее императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне благоугодно было положить первое тому основание от своих щедрот, а ныне министерство должно вызвать к содействию в настоящем деле местное дворянство и городские сословия, на что уже последовало высочайшее вашего величества соизволение.

«Я твердо уверен, всемилостивейший государь, что с помощью божиею, при том ближайшем участии, которое вашему величеству благоугодно было принять в делах министерства, и при пламенном усердии как членов вверенного мне управления, так и воспитывающегося юношества, о чем святым долгом поставлю себе свидетельствовать пред вашим императорским величеством, дело образования пойдет верным путем во благо нашего возлюбленного отечества».

Потребность новой жизни в просвещении России прекрасно выражена в речи, которую на торжественном акте Ришельевского лицея, происходившем 1 сентября в новом здании лицея, произнес знаменитый наш ученый Н. И. Пирогов, попечитель Одесского учебного округа. «Недаром существует обычай праздновать новоселье», говорит Н. И. Пирогов:

«Мы празднуем переход в новое здание.

«Но с какою целью сооружено оно?»

«Назначается ли оно только заменить ветхие стены старого лицея новыми?»

«Своды ли, мрамор ли и паркет полов должны отличать новый лицей от старого?»

«Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы в сущности не выше, и даже ниже той, которою, вероятно, руководствуются номады, переменя кочевье.

«Перемена кочевья есть необходимое условие жизни целого народа. Перемена ветхих стен на новые есть только удобство нескольких людей.

«Нет, мы не для этого празднуем новоселье лицея. Не одна ветхость стен, не одно удобство и прихоть побудили правительство заменить старое новым.

«В нашем новоселье обнаруживаются две высокие мысли.

«Оно, во-первых, доказывает, что старый лицей с честью отжил свое время.

«Он и родился во-время, когда потребность к просвещению в крае начала только что проявляться, и то только в высших слоях общества.

«Он так успешно действовал на поприще просвещения, что поставленные учредителем пределы образованию сделались узки. Их не раз уже изменяли и расширяли. Но они все-таки оказываются узкими.

«Больше ничего не нужно приводить в доказательство успешной деятельности старого лицея. Этого одного довольно для беспристрастных.

«Во-вторых, праздник нашего новоселья, останавливая невольно наш взгляд на новом здании, заставляет думать, что не понапрасну же увеличен объем его стен, не понапрасну увеличено помещение для учащихся, кабинетов, лабораторий.

«Не напрасно пекущееся правительство, вместо огромных издержек на меблировку нового здания, обратило значительную сумму на приобретение учебных пособий.

«Все это ясно говорит, что с новосельем должна начаться и новая жизнь лицея, новый период его деятельности, и новый лицей действительно должен сделаться новым для Новороссии.

«Вот, мм. гг., почему мы празднуем день нашего новоселья».

- Настает новая эпоха для просвещения, и, сообразно с потребностями времени, храм его необходимо расширится.

Необходимость его расширения, необходимость принять меры к распространению образования в массе нашего населения очень основательно доказана рядом интересных статей в «Земледельческой газете». В этом обсуждении участвовали многие. Когда г. А. З., помещик Холмского уезда, учредивший школу в своем именье и сам уже несколько лет занимающийся преподаванием в этой школе, первый заговорил в «Земледельческой газете» о распространении грамотности между поселянами, он встретил многих противников, но скоро нашлись ему союзники, и потом стали говорить в пользу грамотности даже те, которые сначала были против нее. Тогда вопрос изменил свое положение: вместо того чтобы спорить о пользе грамотности, стали рассуждать уже о том, какие средства необходимо принять для образования поселян и достаточно ли для поселян одной грамотности, или круг их учения должен быть более обширен.

Приведем несколько отрывков из этих любопытных совеща-

ний между образованными и благонамеренными помещиками. Прежде всего посмотрим, какими неотразимыми доводами г. А. З. объясняет необходимость грамотности для поселян²:

«Крестьянин — человек, а не машина; он имеет право на нравственное и умственное развитие. Он земледелец — надобно желать, чтобы труд его был сознательным, чтобы он не дичился улучшения, чтобы он сам старался изыскивать новые, лучшие приемы в работе для облегчения труда и сбережения времени. А для этого надобно развить ему голову, надобно ему образование, которое начинается с грамоты.

«Крестьянин не только земледелец, но и торговец; он продает избытки своих произведений и покупает для себя нужное, а иногда ведет и большой торг. Крестьянин, кроме того, человек общественный: он отправляет и натуральные, и денежные, и государственные, и общественные повинности; он же идет пополнять ряды нашего храброго войска. Во всех этих случаях и обстоятельствах его жизни — нужно ли ему образование? Нужно. А оно начинается с грамоты.

«Крестьянина надувают, обирают, обвешивают и обмеривают, — спросите вы его: зачем он поддается? «Где же нам, батюшка! нам — кто в синем, тот и барин. Мы люди темные!..»

«— Зачем ты недавно возил в город какого-то пьяного писаря? — спрашиваете вы его. — «А как же не везти, батюшка? Въехал в деревню: «давай кричит, подводу скорей!» и бумагу показывает — «приказ, говорит, из суда от вашей деревни подводу взять». И печать приложена, а об том ли приказ — кто его ведает! Наше дело темное. К вашей милости десять верст — бежать далеко, а он торопит. Пока телегу ладил, да лошаденьку запрягал, не один подзатыльник от него, проклятого, съел... Дело, вишь, говорит, спешное, а ты, каналья, копаешься. Десятских, говорит, кликну, связать тебя велю, коли будешь разговаривать! Там тебе, говорит, такую баню за ослушку зададут, что не опомнишься!» — «Прогоня дал?» — «Какие прогоня, батюшка, этого мы никогда не видим! Треухов-то много дорогой давал: вези, вишь, скорей! Да уж бог с ним! А вот лошаденку — пусто б ему было — измучил совсем; чай в месяц не оправится! Держи ее теперь на стойле, а пора рабочая!»

«— Что ж ты в городе не пожаловался на него?» — «В суд-то идти? на него жаловаться? Не, барин, спасибо!.. Ну, иной крепко; что больше мошенник, то крепче. Бей его, не бей, а он все свое: знать не знаю, ведать не ведаю! Ну, а что честнее, то слабей; особенно, коли приведу издадека — людей не видывал, в лесу живет, ну, а тут город, суд, — тотчас и сробеет! Так и валится в ноги: виноват, значит, тут тотчас свидетели и запишут. Где нам, барин, с судами знаться! не приведи господи! наше дело темное».

«Будь же крестьянин образован, знай он твердо свои обязанности и свои отношения к начальству, — с ним бы подобных случаев не было. А образование начинается грамотностию.

«Крестьянин берет подряды, заключает контракты не словесные, а письменные, — если он безграмотен, плати и за написание, и за подписание вместо него, и, пожалуй, за прочтение. Крестьянин несет на почту какой-нибудь потом добытый целковый послать его сыну, брату или иному сроднику; в получении почтовой квитанции ему надобно расписаться — плати он 3, 5, а иногда и более копеек серебром за расписку, если он безграмотный; а ему и одна копейка дорога.

«Приходит крестьянин в казначейство платить подати.

«— Ты что? спрашивает его вышедший из канцелярии приказный.

«— Подушину принес платить, батюшка, за такую-то вотчину.

«— Сколько у тебя?

«— Столько-то, батюшка! сделайте божескую милость, не задержите, примите!

«— Хорошо, говорит приказный: — подай объявление!

«Крестьянину и в голову не приходит, что закон не обязывает, а только позволяет представлять подати при объявлении.

«— Мы люди темные, батюшка, уж коли что написать надо, так будьте милостивы, напишите!

«— Хорошо, отвечает деловым тоном приказный: — давай целковый!

«— Не дороговенько ли будет, ваше благородие?.. осмеливается заметить крестьянин, переминаясь.

«Приказный скрывается. Проходит немало времени. Мужик стоит вздыхая.

«— Любезный, служба, — наконец говорит он, обращаясь к присяжному: — доложи, бога ради тому, что был тут: долго ль мне маяться! пусть целковый возьмет; скажи мол, глупостью повладали. — Является приказный, берет от мужика целковый и ведет его к казначею. Мужик отсчитывает деньги, низко кланяется и возвращается в прихожую ждать квитанции... Жди, пожди, проходит еще немало времени — является тот же приказный.

«— Что стоишь? спрашивает он у своей жертвы. — «Квитанции дай-даюсь, батюшка!» — Приходи завтра. — «Батюшка, будь батька родной, отпусти сегодня! Фатера, прокорм лошади, за сто верст приехал... Я бы уж вашей милости еще полтинничком поклонился...» — Дурак, за сколько душ платил, а хочешь полтинничком отделаться... Ну, да уж куда ни шло — давай! — Мужик отдает полтинник с низким поклоном. Проходит еще несколько времени. Приказный снова является. «Готова квитанция, говорит он: — ступай, распишись в получении.

«— Да я неграмотный, батюшка! уж будьте милостивы.

«— Дурак, разве за тебя обязан писать кто-нибудь даром?

«— Сколько ж надо, батюшка?

«— Двугривенник, — отрывисто отвечает приказный, — дешевле не возьмут. — Мужик отдает двугривенник и получает наконец квитанцию.

«Слава-те, господи, думает он, в один день развязался!..»

«Приезжает мужик домой; является к барину. — Заплатил подушину? — «Заплатил, батюшка».

«— Покажи квитанцию. — Мужик подает. — Отчего недоимка? — спрашивает помещик. — «Не ведаю, батюшка, я все заплатил». — Как не ведаешь? пять целковых с копейками в недоимке показано... Сколько ты денег внес? — «Казначеем отдал столько-то...» — Как столько-то? в квитанции показано пятью целковыми меньше против того, что ты говоришь казначеем отдал? ты украл? пропил? — «Дай, господи, мне с места этого не сойти, детей моих не обозреть, начинает клаяться мужик, творя крестные знамения: — коли я хоть грош себе взял! Как перед богом говорю вашей милости — все отдал: что они там в квитанции пишут — бог их ведает! Наше дело темное!..»

«И точно, тут дело темное. Если и мужик смошенничал, то как вы уличите его? А отговорки «темнотою» не было бы, если бы он был грамотный.

«Крестьянина отдают в солдаты. Много ли у него надежды дослужиться до унтер-офицерского звания, если он безграмотный?

«Сдача каждого рекрута, чрез безграмотного отдатчика, обходится помещику от тридцати пяти до сорока рублей серебром!.. Тут в счете вы увидите бог знает какие вещи. Словом, тут отдатчик, как говорится в одной свадебной песне, «с денежки на денежку ступал, а полтиною ворота отпирал».

«Подобных случаев и обстоятельств в быту крестьян можно бы представить целые сотни; многие из них могли бы быть и сильнее и разительнее вышеприведенных, но довольно и этих, чтобы показать, что грамота нужна крестьянину не только в нравственном, но и в материальном отношении, и что с нее, а не с чего другого надобно начать его образование». («Земледельческая газета», № 9.)

Г. Смирнов, бывший преподавателем в одной из земледельческих школ, свидетельствует, что поселяне и их дети очень хорошо понимают пользу учения³.

«Я имел честь преподавать русский язык в московской земледельческой школе и на опыте видел, с каким увлечением, с каким восторгом воспитанники из крестьян представляют себе то новое душевное состояние, в которое они поставлены приобретением знаний. Благодарность к помещику, который их отдал в школу, и благодарность к основателю школы были искренни, нелицемерны. Почти ни в одном классном сочинении воспитанник школы не обойдется без того, чтобы не коснуться этого самого чувствительного для него предмета. И в деревне, где одною из первых забот моих было учение мальчиков грамоте, с удовольствием заметил я, что грамотность сообщает крестьянским мальчикам какую-то мягкость и освобождает их от той загроубелой коры, которая лежит на крестьянине.

Итак, грамотность и правомерное общественное положение — вот главные средства к нравственному усовершенствованию крестьян». («Землед. газета», № 24.)

После того г. Критский⁴, принимая вопрос о необходимости образования для поселян как поставленный уже вне всякого сомнения, рассматривает, каковы должны быть учителя в сельских школах и какими средствами учредить эти школы:

«Мне кажется, что для распространения грамотности между крестьянами в нашем отечестве, которое по преимуществу есть государство земледельческое, нужны школы земледельческие, школы, в которых, кроме обучения крестьян грамоте, показывалась бы им вся польза от нее. Научивши крестьянина читать не по церковным книгам, а по руководствам, нарочно для того составленным, с земледельческим направлением, надо ознакомить его сперва с техническими названиями сельского хозяйства, с земледельческими орудиями, их строением, и потом показать практически применение прочитанного к делу. Надо стараться доказать им, что грамота есть краеугольный камень его благосостояния, что если неграмотный, обрабатывающий землю по примеру своего отца и деда, соберет с своего участка продуктов на десять рублей, то грамотный, узнав, как такой же участок может быть лучше обработан, соберет с него продуктов на пятнадцать и двадцать рублей.

«Не раз случалось мне слышать на это следующие возражения: к чему крестьянину грамота? Довольно будет, если помещик, получивший образование, будет совершенствовать свое хозяйство, тогда крестьяне по примеру помещика улучшат и свое... Другие прибавляли к тому, что и сельские священники могут примером своим довести своих прихожан до тех же результатов.

«Справедливо ли это?

«По моему мнению — нет. Мне кажется, что довольно рассмотреть, кто эти помещики и священники, имеют ли они необходимые сведения, образование их приспособлено ли к тому и все ли они имели средства получить те знания?

«Возьмем помещиков.

«Меньшая часть их — люди богатые. Об них и говорить нечего — они всегда могут достигнуть желаемого, — было бы желание.

«Другая часть, тоже небольшая, получившие образование в университетах, слушавшие лекции факультетов естественных наук. Казалось, что эти люди и должны бы быть посвящены в тайны агрономии; но что часто случается? что они, не видав применения выученного к делу, не могут достичь желаемых результатов. Притом все они, или почти все, окончив воспитание в университетах, поступают на государственную службу и в служебных занятиях часто забывают выученное.

«Третьи, если не все остальные, с малолетства посвященные на службу гражданскую или военную, воспитываясь в учрежденных для того заведениях, не получают никакого почти понятия об агрономии. Окончив свое служебное поприще, они поселяются в своих имениях, не знают даже, как взяться за хозяйство, и поневоле хозяйничают так, как указывает им опыт крестьян-

нина или управляющего, не обладающих большими сведениями. И выходит, что не помещик руководитель крестьян, а сам руководим ими.

«А священники?»

«Они, по моему мнению, еще меньше помещиков воспитанием приспособлены к тому, чтобы быть руководителями крестьян в деле агрономии.

«Таким образом я полагаю, что для распространения грамотности между крестьянами необходимо учредить земледельческие школы, если не во всех селах, местечках и городах, потому что для того нужны средства, какими не всякий помещик обладает, то по крайней мере в уездных городах, в чем следует обратиться с просьбою о помощи к нашему благотворительному правительству.

«Пусть учредятся в каждом уездном городе земледельческие школы, в которых бы, кроме грамоты, ученики обучались бы и науке сельского хозяйства; где бы ученик, под руководством дельного преподавателя, учился бы и читать, и писать, и понимать прочитанное, и применить его практически к естественным занятиям своим, и потому видел бы на деле всю пользу грамотности.

«Пусть помещики, сочувствуя общему благу, дадут материальные средства на учреждение и преуспевание земледельческих школ, пожертвовав самую незначительную часть своего дохода, хотя бы по три или даже по пяти копеек серебром с души, и по учреждении школ, помещая в них мальчиков, представляли бы на них и одежду и пищу.

«Так при таком общем стремлении, мне кажется, дело пошло бы на лад, и через каких-нибудь десять или пятнадцать лет мы бы не так удивлялись успехам земледелия в прочих европейских государствах, у нас бы земля, обработанная по новой улучшенной системе, приносила бы такие же проценты, какие приносит за границую.

«Куда бы девалась лень!

«Как бы смягчились нравы крестьян! Да и не перечесть всего доброго, которое произошло бы от того».

Г. Гибер-фон-Грейфенфельс⁵ говорит еще решительнее: к учреждению этих школ должны быть помещики обязаны правительством:

«Просвещенные сельские хозяйства согласны в том, что для улучшения нравственного и материального быта наших крестьян нужна грамотность. В последнее время высказаны во многих умных, назидательных статьях «Земледельческой газеты» мнения и предположения сельских хозяев касательно этого предмета. Но как водворить грамотность в крестьянское сословие при разных местных неудобствах, при настоящем невежестве самих крестьян, при недостатке учителей и средств к устройству школ?

«Будем говорить правду: устав для сельских училищ издан в 1828 году, а много ли помещиков открыли с тех пор школы в своих имениях? Правда, некоторые владельцы принялись с рвением за это полезное дело, ожидая неминуемой пользы (я также устроил в двух имениях своих школы для мальчиков и девочек), но общего сочувствия не было, по той причине, что у нас ничего предпринять невозможно, если оно не всеместно, если нет непрерывной настойчивости, а главное, если нет уверенности, что это воля правительства; для темного народа нужна всегда сильная побудительная причина, а потому лишь одни правительственные меры могут окончательно разрешить вопрос о всеобщих народных училищах». («Земледель. газета», № 42.)

Тогда г. А. З., которому принадлежит честь возбуждения этого исследования в «Земледельческой газете», присылает полный проект, показывающий, каким образом надобно основать эти

Школы, откуда взять для них учителей и учительниц в достаточном числе и какие предметы необходимо ввести в круг преподавания. Вот существенные черты этого проекта⁶:

«Я того мнения, что уж если делать великое дело, то делать его не в половину и не как-нибудь, а делать вполне, широко и как следует. Предпринимая такие дела, от которых можно ждать вековечно-благотельных результатов, не следует ограничиваться и удовлетворяться полумерами. Строить ли, наприм., железные дороги, то строить не одну или две, а целые сети, и не конные, а паровые, и не в один, а в два пути, — в четыре рельса. Начать ли образование массы простого народа, то не ограничиваться одною грамотностию, а дать народу образование полное, прочное, благотворное и плодотворное; школы заводить — не кой-где, а повсеместно, не для одних мальчиков, но и для девочек, и не по выбору, а для всех крестьянских детей без исключения; учителей в школы — не каких-нибудь, а хорошо образованных.

«С этим, пожалуй, и согласятся, но могут спросить: где средства? откуда учителей взять?

«По этому предмету смею предложить следующие мои соображения, при изъявлении искреннейшего моего желания, чтобы они были подвергнуты всеми, кого предмет интересует, наистрожайшей критике.

«Брать в школы от семейств всех крестьянских детей от 8-ми до 12-ти и даже до 14-тилетнего возраста на семь зимних месяцев (с 1 октября по 1 мая) — не составит обременения ни для крестьян, ни для помещиков: дети означенного возраста не состоят в тягле помещиков и не составляют (в зимние месяцы) для семейства необходимой помощи. Пищу и одежду дадут семейства, которые все равно — в школе или не в школе — должны бы были их одевать и продовольствовать. Постройка особого флигеля для помещения в учебное время учащихся: комната (изба, пожалуй) для жилья и другая для класса, а также столы, скамейки и т. п. классные принадлежности — не бог знает чего стоят; это пожертвование — будет ли оно от помещика или от самих крестьян — ничтожное. Десяток-другой азбучек (по 3 коп. сер.), две-три стопы серой бумаги в зиму и т. п. — вещи не дорогие и по средствам каждому. Таким образом: помещение, классные принадлежности, одежда и продовольствие детям — готовы.

«Откуда учителей взять? если б и нашлись они — кто и из каких сумм будет платить им жалованье?

«Учителей предлагаю образовывать из тех же крестьян и крестьянок и обязать их учить без жалованья, за одно обеспечение их пищею, одеждою и квартирою и за некоторые другие льготы, и — вот каким образом:

«Подобно тому, как в прежнее время помещичьи имения разбивались на рекрутские участки, разбить все такие имения на участки учебные, полагая в каждом участке, примерно, по 200 ревизских душ мужского пола.

«С каждого учебного участка выбрать по три мальчика (10—12-летнего возраста) и по три девочки (8—10-летних) с лучшими способностями, для образования из первых — учителей старших классов, из вторых — учительниц младших классов. — Ну, вот уж это значительное пожертвование: с 200 душ шесть детей... Но, мм. гг., без некоторых пожертвований — невозможно! Мы же ставим рекрут, взрослых и здоровых работников — и не ропщем и не должны роптать, потому что интересы государственные важнее интересов частных: в исторической жизни народов есть эпохи, когда временные жертвования необходимы и по настоятельной в них надобности и в видах будущего благоденствия.

«Собранных таким образом мальчиков и девочек отдать в существующие уже в каждом уездном городе училища, где они могут пройти курс уездных училищ в 4 года. Во время этого курса квартиру, пищу, одежду для них — должны доставлять участки; преподавание, как известно, даром. Девочки должны составить особый класс от мальчиков.

«По окончании курса в городских училищах мальчики переводятся в

существующие в губернских городах гимназии, и еще шесть лет слушают курс гимназический; необходимо, значит, расширить гимназии и увеличить комплект учителей в них. В гимназиях же учредить кафедры: сельского хозяйства, землемерия, законоведения (преимущественно законов, касающихся крестьянского быта, и в подробности законы о договорах) и ветеринарии, лекции которых обязать слушать крестьян гимназистов (вместо лекций иностранных языков, которых, конечно, крестьянам изучать не надобно).

«Пока готовятся таким образом сельские учителя и учительницы, участки строят для школ помещения в одном из селений участка, по удобности, и за три года до выхода крестьян-учителей из гимназий открывают повсеместно сельские училища всех крестьянских детей обоего пола, — 8—10-летнего возраста. Кончившие в уездных училищах курсы девочки начинают в школах учить грамоте, под наблюдением помещиков и местного училищного начальства. Сельские священники безмездно преподают закон божий.

«После трех учебных зим у учительниц, в младших классах, учащиеся переходят в старший класс, к вышедшим уже из гимназии учителям, а для младших классов делается уже новый набор малолетних учащихся и так далее. В старшем классе все крестьянские дети проводят еще три зимы, так что полный курс сельских школ составил бы шесть зим; ученик, поступивший восьмью лет, вышел бы из школы четырнадцать лет.

«Сельские учителя, обучавшиеся в гимназиях, знали бы, кроме наук общегимназических (за исключением языков), — агрономию, землемерие, законоведение и ветеринарию, значит, это были бы учителя не какие-нибудь, и, вышедшие из среды народа, они хорошо бы знали нравы, обычаи, нужды и потребности учеников и учениц своих.

«Как учителя, так и учительницы исполняли бы свои педагогические обязанности в течение, примерно, двенадцати лет безмездно, ибо уже самое образование, данное им и выдвинувшее их из среды низшего класса народа на ступень высшую, нравственное и умственное развитие, ими полученные, должны быть достаточным для них вознаграждением; но участки обязаны доставлять им все необходимое: жилище, одежду и пищу (крестьянские) и сверх того они, учителя и учительницы, лично свободны и, по прошествии обязательного двенадцатилетнего термина, могут отказаться от безмездных педагогических занятий, сохраняя во всяком случае право на полное пожизненное обеспечение от участка.

«В летнее, свободное от классных занятий время учительницы живут при своих семействах, а учителя не остаются праздными: для их деятельности открывается новое великое поприще, занятие величайшей важности, к которому они должны быть подготовлены в гимназиях:

«Нечего распространяться, как было бы полезно (а в будущем делается необходимостью) привести наши обширные земли в кадастровую известность. Сельские учителя, образованные вышесказанным образом, могут в летнее время заняться этим чрезвычайно полезным и важным делом, при помощи сведущих помещиков и уездных землемеров, каждые в своих участках. Таким образом одни и те же люди и образовали бы массу народа, и привели бы в известность земли наши — два великие дела, совершение которых принесло бы неисчислимые блага нашему отечеству...

«В устроенных же по предлагаемому плану всенародных сельских школах следует, по моему мнению, преподавать, кроме необходимых предметов: чтения, письма, закона божия и первых четырех правил арифметики, еще следующие: а) историю, б) географию (всеобщие кратко, отечественные подробно), в) русский язык, г) сельское хозяйство, д) законы, касающиеся крестьянского быта и законы о договорах, е) землемерную часть и ж) ветеринарию. Такой курс в продолжение шести учебных зим легко пройти можно, и только при таком курсе грамотность окажет на наше сельское сословие неоспоримо благотворительное влияние.

«Я убежден, что если бы вышесказанные мною предположения мои могли осуществиться, то чрез какие-нибудь двадцать или тридцать лет Россия, при известных всякому бойкости и смысленности ее населения, не только

догнала бы, но оставила бы за собою на пути цивилизации народы Западной Европы, на которых теперь мы справедливо смотрим как на старших братьев наших в деле просвещения. А кто бы из русских не желал этого?..

«Издержки на расширение городских училищ и гимназий и на увеличение комплекта учителей в них — издержки *единовременные*. В гимназиях и уездных училищах приготовилась бы только *первая* партия учителей и учительниц; следующие образовались бы уже в самых сельских школах из лучших и способнейших воспитанников. Эти *единовременные* издержки приняли бы на себя: правительство и помещики *пополам*, например. Впрочем, это только предположение: входить же по этому предмету в подробные исследования я, как частный человек, не имею ни средств, ни возможности...»

«Заключу тем же, чем начал: уж если делать великое дело, то делать его в обширных, как сама Русь наша, размерах, не полумерами, не как-нибудь, не робкими шагами, а целиком, смело и прочно, в размерах грандиозных, и если сравнить вековечно-неисчислимо-благодетельные последствия такого дела с количеством временных пожертвований, то эти последние окажутся совершенно ничтожными». («Земледельч. газета», № 58.)

В этом прекрасном проекте мы находим только одну черту, которая может быть изменена к лучшему: г. А. З. для возможного сокращения расходов предполагает, чтобы в течение известного срока учителя и учительницы сельских школ преподавали безмездно, за одно помещение и содержание. Недостаточность такого вознаграждения очевидна. В дополнение к нему необходимо жалованье от помещиков или деньгами, или хлебным сбором (последнее есть у немецких колонистов). Что касается житья обучаемых мальчиков в самой школе, а не в родительских семьях, эта мысль, конечно, прилагается автором только к местностям, где поселяне живут очень мелкими и очень разбросанными деревушками, как в некоторых северных и белорусских губерниях, — не приходится же мальчику в школу зимою за десять и пятнадцать верст. Но в большей части русских губерний поселяне живут большими деревнями, и тут разумеется ученики должны оставаться в своих семьях, не жить в школьном доме, а только приходить на уроки. Это лучше для семейного быта, да и дешевле, потому что не потребуются ни большого здания для школы, ни налога провизиею для содержания учащихся.

Не по одному вопросу о средствах распространить образование между поселянами встречаются в «Земледельческой газете» очень любопытные статьи. Мы укажем еще на ряд статей о том, возможно ли, при настоящих сельских учреждениях, совершенно изгнать телесное наказание из способов сельской администрации. Это исследование возбудил также г. А. З. своею статьею «Сельско-административный вопрос» в № 16 «Земледельческой газеты»⁷. Охотников отвечать нашлось много. Многие пришли в негодование при мысли, что им предлагают отказаться от телесного наказания. Но гуманные и образованные помещики отвечали, что они находят возможность заменять телесное наказание другими, столь же действительными, но не унижительными для человеческого достоинства и наказываемых и еще более наказывающих. Так, г. Каргопольцев⁸ говорит:

«Мне кажется, что человеку, который пожелает избавиться от неприятности наказывать телесно своих крестьян, надобно прежде всего изучить их быт, их слабости, одним словом, знать их так хорошо, как мы знаем все нам близкое, с чем ежедневно встречаемся в жизни. Изучивши этот предмет, помещик будет знать и все то, что его крестьяне любят, чего боятся, словом сказать, будет знать все слабые и чувствительные стороны их жизни. Между крестьянами весьма часто встречаются такие, которые телесным наказанием более ожесточаются; они не только не исправляются от наказаний, но начинают ненавидеть своего господина, считают его тираном; особенно если хоть один раз крестьянин чувствует, что наказан несправедливо, этого он уж не забудет; из десяти раз, за которые один раз был только наказан несправедливо, и все остальные девять, по свойственной человеку, весьма естественной слабости, он будет стараться внутренне убеждать себя, что не виноват был, и стараться свалить вину если не на самого барина, то на соседа или на соседку, даже хотя и на какой ни есть неодушевленный предмет. Частые наказания, особенно телесные, ведут к тому, что человек, как ко всему дурному и хорошему привыкает, так привыкнет и к розгам, а тогда все, что хотите, делайте с ним, ему нипочем, его не исправишь. Я знаю таких крестьян, которые, прожив полвека, не бывали никогда наказаны розгами и потому только боятся этого наказания, называя его уродством, и потому никогда не скажут: не высек бы барин, а не изуродывал бы. Пусть это чувство всегда живет в них, и долг помещика, по моему мнению, стараться вести крестьян так, чтобы боязнь наказания не сделалась действительностью, потому что страх ожидания наказания для человека, никогда ему не подвергшегося, тяжелее самого наказания. Я сказал, что помещику необходимо нужно знать все достоинства, все пороки своих крестьян; зная их, вы будете знать, чего они боятся, чего не любят, что считают стыдом для себя; этими-то средствами лучше, чем розгами, можно исправлять ввавших в проступки. Если ваш оброчный крестьянин впал в проступок раз, другой, вы знаете, что он боится барщины, поставьте его на барщину, на неделю, на две, на месяц, и это покажется ему больнее розог, если он крестьянин усердный и не лентяй, — лентяя этим не исправишь; конечно, этим вы отнимете у него много времени для собственных работ, но зато дадите ему урок, который он долго будет помнить. Если он самолюбив, любит погулять, пощеголять в праздники на гулянье, заставьте его в праздник у себя на глазах поработать, но так, чтоб и другие это видели, — на дворе рубить дрова и тому подобное. Я пишу это по собственному опыту: вот уж более семи лет, как я управляю своим именем, и в течение этого времени я не наказал ни одного человека, ни большого, ни малого; не скажу, чтобы мои крестьяне были люди безукоризненные, они имеют много слабостей и попадают, чтобы не сказать часто, но и нередко, так что в год раза два, три придется того или другого наказывать, но никогда телесно, и благодаря бога, они все наказания помнят». («Земледельческая газета», № 28.)

Ответ г. Болтина⁹ замечателен по своей краткости, дышащей негодованием против сомнения в возможности управлять человеком без жестоких средств:

«Г. помещик предложил хозяйственно-административный вопрос: «нет ли какого средства заменить телесное наказание чем-нибудь другим, столь же действительным?» Этот вопрос наводит на многие размышления, порождает многие вопросы, между прочим, такой: если домашних животных: лошадь, собаку кроткими мерами и терпением мы доводим до совершенного себе послушания, то ужели тем же способом нельзя довести до того же и человека? Помещик П. Болтин». («Земледельческая газета», № 31.)

Это благородно и превосходно. Но нам кажется, что г. Каргопольцев и г. Болтин не совершенно точно разгадали мысль, вну-

шившую г. А. З. сельскохозяйственный вопрос. Они обходятся без телесных наказаний, но из их собственных ответов видно, что они обладают качествами исключительными, слишком редко соединяющимися в одном лице: внимательностью к своим подчиненным и редким умением обращаться с людьми, кротостью и настойчивостью. При таких качествах личность правителя заглаживает недостаток учреждений. Но много ли найдется людей подобных г. Каргопольцеву? Если бы таковы были все, не нужно было бы никому никаких гарантий, — такие люди не способны ни к притеснениям, ни к злоупотреблениям. Но большинство не таково. Оно только узаконениями удерживается от искушений прибегать к физической силе и суровым мерам. Очевидно, что г. А. З. имел в виду это большинство, а не редких людей, подобных г. Каргопольцеву. Возможно ли при настоящих сельских отношениях этому большинству удерживаться от телесных наказаний? Вот в чем вопрос. По нашему мнению, г. А. З. совершенно справедлив, находя, что ожидать этого невозможно и что потому надобно приискать такие юридические отношения, при которых употребление телесных наказаний ни для кого не служило бы одним из административных средств.

Укажем еще третий вопрос, возбужденный в «Земледельческой газете» — вопрос о средствах смягчить семейные нравы наших поселян. Он поставлен опять г-м З.¹⁰

О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ КРЕСТЬЯН С ИХ ЖЕНАМИ

Что то за хрен, что не горек,
Что то за муж, что не грозен.
Коли муж жены не бьет,
Так и мил не живет.

(Народные поговорки.)

Твой ревнивый муж
За шелкову плеть принимается,
Ай люли, люли, принимается.
Плетка свистнула, а я вскрикнула,
Ай люли, люли, а я вскрикнула.
Свекру-батюшке возмолилася,
Ай люли и проч.
«Свекор-батюшка, отведи меня!»
Ай люли и проч.
Свекор-батюшка велит больше бить...
Ай люли и проч.

(Народная песня.)

«Помещенные в №№ 2 и 14 «Земледельческой газеты» сего года статьи: «О жестоком обращении с домашними животными»¹¹ навели меня на мысль сказать несколько слов о предмете не меньшей важности — о жестоком обращении крестьян с их женами.

«Пословица — не мимо молвится», а народные поговорки, взятые мною эпиграфами к настоящей статье, имеют, к несчастью, до сих пор полное практическое применение в жизни нашего простого народа. Варварский обы-

чай бить жен имеет свой корень в нашей допетровской истории. Известно, в каком положении были у нас женщины до Петра Великого, да и до сих пор, нечего греха таить, — говоря вообще, мы уважаем и почитаем женщин больше в изящных произведениях словесности, нежели в действительной жизни. Петербург — столица, но и в нем, к стыду нашему, молодой женщине, а тем паче девушке невозможно даже днем показаться без провожатого на улице из опасения получить оскорбление... Фактическое доказательство невежества и грубости наших нравов в настоящее время. А про простой народ и говорить нечего: реформа Петра не коснулась его нисколько в этом отношении: простолюдин и до сих пор смотрит на женщину, как смотрели на нее его предки. Высочайшее наслаждение для крестьянина — напиться пьяным; а высочайшее наслаждение пьяного крестьянина — бить жену. Но это бы еще было с полгоря, если бы крестьяне били своих жен только «под пьяную руку»; худо то, что для них и в трезвом виде прибить жену считается нипочем. В ослеплении своим крестьянин даже не разбирает, беременна его жена или нет. Для него это все равно, и я с достоверностью полагаю, что большая часть выкидышей случается у крестьянок от варварского обращения с ними мужей их.

«Я владелец небольшого имения; но и в этом небольшом имении, в первое время моего управления, редкий месяц проходил без того, чтобы я не был вынужден прибегать к решительным мерам, мерам, к коим я сам питаю глубокое отвращение, для усмирения мужей, истязующих жен своих; хотя едва ли только десятая часть случаев доходила до меня, ибо жена (да и то не всякая) тогда только решается идти к помещику жаловаться на жестокость мужа, когда она терпит от мужа совершенную напраслину.

«Один мужик запрет в соху жену свою и не шутя проорал с пол-упряжки по легкому песчанику, по причине болезни его лошади. Другой муж, не довольствуясь жестокими побоями, привязал жену свою к *грядке** для того, чтобы удобнее было наказывать ее. Третий сделал с тою же целью то же самое, только вместо избяной грядки избрал гуменную балку.

«Однажды пришла ко мне женщина вся в крови, худая, бледная, избитая, с оплешивевшею головою и принесла ко мне в собственной руке своей всю свою не отрезанную, а вырванную мужем косу... Вина, за которую муж так истязал ее (ее теперь уже нет в живых), на этот раз состояла в следующем: подымая землю на удаленной от деревни ниве, ему вздумалось нарочно забросить в лес лапти и, придя домой босиком, приказал жене идти отыскать их. Жена пошла, проискала лапти целую упряжку и, возвратясь домой, объявила мужу, что, несмотря на все свои старания, она не могла найти их. Вины жен, которых мужья привязывали, для удобства наказания, за перекладыны, были такого же рода. Еще чаще случается, что мужья жестоко бьют жен своих за собственные вины свои, особенно если жены, видя, как добро из их дома переходит в чужие руки, осмеливаются упрекнуть мужей в неверности.

«Заметьте, что все вышеуказанные случаи делались в собственном моем небольшом имении; думаете ли вы, что в других этого не делалось и не делается?

«Я не посылал виноватых в суд: закон слишком мягок для таких извергов... Да они, если хотите, и не изверги; они *по-своему* также любят жен своих, а — «обычай не клетка, не переставишь». Виноваты ли они, что с самого нежного возраста видели перед собою подобные примеры; привыкли к ним и привыкли думать, что так и быть должно, иначе и быть не может, что на то муж, чтоб жену в руках держал, что на то жена, чтоб бояться мужа и быть у него в полном, безусловном повиновении? Стремление к гос-

* *Грядка* — перекладка, идущая от верхней части печки к стене избы в некотором от потолка расстоянии; назначение грядки — укрепить сбитую из глины печь; на нее же вешают крестьяне мокрые оборы, онучи и т. п. для просушки.

подставу в той или другой форме лежит в природе человеческой; крестьянину не над кем больше господствовать кроме жены и лошади (детей он очень любит, дурное обращение отца с детьми — редкое исключение), и он господствует над ними сообразно своим понятиям и издавна укоренившемуся обычаю.

«Однако же к искоренению зла в своей вотчине я принял сначала меры, хотя временные, но решительные. После борьбы и муки, сильно расстроивавших весь организм мой, я решился на крутые меры. Затрепетали истязатели-мужья в моей вотчине и увидели, что я «шутки шучу не хорошие»: то того накажу, что называется любо дорого, то другого на месяц на замеру в канаву поставлю, тот в солдаты пошел, от другого жена взята и к родителям отправлена, и дети с нею, а муж доставляй содержание... «Экой варвар помещик!» — мог бы подумать иной кабинетный филантроп, увидя проездом или услыша стороной о таких действиях.

«— Желая вам, милостивый государь, доброго здоровья, крепкого сна и хорошего аппетита; у вас, я вижу, в руках какие-то книжки по части кабинетной филантропии; вы сидите в гамбсовых креслах, курите гаванскую сигару и приказываете заложить карету, чтоб ехать в театр слушать «Лучию». Это, должно быть, очень приятно. Мы сами когда-то вкушали часть этих наслаждений и теперь с неизъяснимым восторгом променяли бы идиллическую жизнь помещика на тревожную жизнь столичного филантропа, отплясывающего на балах и слушающего концерты. Тогда мы были и здоровы, и веселы; а теперь посмотрите на меня: видите ли, я — захолустный помещик и иссох в щепку? Горный деревенский воздух на меня не действует; «хлеб полей возделанных...» нейдет в прок мне; что такое хороший аппетит, крепкий сон — я не знаю... А что у меня кошки сердце скребут — про это вы не знаете.

«Но искус продолжался недолго: не прошло и года, как все стихло, все успокоилось: мужья смирились. Честные крестьяне мои и бабы повеселели и стали за меня, что называется, «богу молить».

«Однако, думаю, что такая система не годится. Она хороша и даже необходима, как мера временная, но не более. Пока я или подобный мне — она держится; не стань меня — она тотчас же рушится, и опять все войдет в старую колею. Все системы, основанные на чувстве страха, — системы никуда не годные. Они слишком непрочны и слишком тяжелы для обеих сторон.

«Переходные эпохи — эпохи тяжелые. Не знаешь, как быть. Ни роль преследователя, ни роль патриарха — как-то не к лицу современному помещику. Первая роль возмутительна, вторая анахронизм. Надобно придумать что-нибудь более рациональное.

«Что ж бы это такое могло быть более рациональное?

«Один ответ: смягчающее нравы образование! Школы, школы и школы для молодого поколения! Но школы не какие-нибудь и, главное не с какими-нибудь, а непременно с хорошими учителями и наставниками». («Зем. газ.», № 30.)

Средство, предлагаемое г-м А. З., действительно, очень полезно и для смягчения семейных нравов, как полезно оно для всего хорошего. Но с тем вместе надобно прибавить, что хотя просвещение есть корень всякого блага, но не всегда оно само по себе уже бывает достаточно для исцеления зла; часто требуются также и другие, более прямые средства, потому что зло не всегда бывает основано непосредственным образом на одном только невежестве — иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которые, конечно, в свою очередь порождены невежеством, но бывают такого свойства, что до уничтожения их невозможно

и распространение просвещения. Чтобы дело было яснее, взглянем на состояние индийских париев. Они невежды, нравы их грубы. Это так. Какие же прямейшие средства для смягчения их нравов? Просвещение? Но могут ли когда парии просветиться? Этому полагается непреодолимое препятствие самым их положением. Во-первых, они так угнетены нуждою, что им очень трудно найти время и средства для учения; во-вторых, брамины и кшатрии никак не допустят серьезных забот о просвещении парий, потому что все привилегии браминов и кшатрий¹², все выгоды, ими извлекаемые из касты парий, основываются на невежестве парий. Потому, чтобы дать возможность париям смягчить свои нравы образованием, прежде всего должно изменить положение парий в индийском обществе; они должны из парий сделаны быть просто подданными правительства, а не браминов и кшатрий.

Нечто подобное можно сказать и о смягчении нравов поселян. Тут на одно просвещение нельзя надеяться. Грубость нравов поселянина основана не на одном его невежестве, а также и на характере того обращения, какое испытывает он и его семья от других. Пока сам поселянин подвергается грубому обращению со стороны других, нравы его не могут смягчиться. Пока мы имеем полную возможность быть грубы с женою поселянина, бранить ее и дать ей пинка, поселянин не может наблюдать в обращении с нею особенной деликатности. Почему же мы уважаем своих жен? Потому что и посторонние люди не смеют сказать грубость даме. Каково общественное положение женщины, таково и обращение с нею мужа. Только тогда, когда «баба», жена мужика, будет также ограждена против всяких обид от посторонних людей, как ограждена «дама», моя жена, только тогда мужик изменит свое обращение с своею женой.

Улучшение общественного и материального положения — вот необходимейшее предварительное средство для возможности распространяться просвещению и улучшаться нравам. Потому с живейшею признательностью мы должны принимать такие меры, как покровительство, оказываемое правительством «Обществу для улучшения помещений рабочего класса в С.-Петербурге» (об этом обществе мы надеемся поговорить в следующий раз и тогда воспользуемся радушным приглашением «Жур<нала> министр<ерства> внут<ренних> дел», предлагающего в распоряжение всем периодическим изданиям напечатанную в нем статью об этом предмете), или правила о содержании ремесленных учеников и учениц¹³. Эти бедные дети действительно очень, очень нуждались в самых строгих ограждениях своего здоровья, своей жизни от безумно-жадной небрежности. Каждому жителю Петербурга хорошо знакома фигура мальчика, зимою, при десяти или пятнадцати градусах стужи, бегущего по улице в ветхом летнем халатике, с полураскрытою в прорехах грудью, часто без шапки на голове, еще чаще без обуви на ногах. Можно вообра-

зять, какими удобствами в домашней жизни пользуется этот мальчик, когда в такой костюмировке бывает посылаем по улице. По собственным наблюдениям, почти каждому из нас известно, что у многих мастеров ученики ведут самую ужасную жизнь, — холодают и голодают несказанно, подвергаясь беспрестанным истязаниям; не редкость, что пьяный портной тычет ученика горячим утюгом; о том, коротко ли знакомы с сапожною колодкою головы учеников сапожника, нечего и говорить. Да, эти бедняжки очень, очень нуждались в заботливости закона.

Ныне изданными правилами постановляется, что ремесленный мастер должен заботиться о хорошем помещении, здоровой пище и доброй нравственности своих подмастерьев, учеников и учениц (статья 1). Рабочие и спальные комнаты их должны быть просторны, опрятны и сухи. Спальные для мальчиков и девочек должны быть отдельные (статья 2). Зимой в их комнатах должны быть двойные рамы с форточками (статья 3). Стирка белья и просушка мокрой одежды и обуви в этих комнатах воспрещается (статья 4). Класть учеников спать на полу воспрещается; воспрещаются также нары в два яруса; воспрещается класть их на кроватях попарно; на нарах спальное место одного от места других должно быть отделено перегородками (статья 5). Хозяин не должен отпускать или посылать куда-либо учеников летом без обуви, зимою без теплого верхнего платья и проч. (статья 7). Хозяин обязан посылать учеников в баню не реже как два раза в месяц, еженедельно давать им переменять белье и пр. (статья 8). Наблюдение за исполнением этих правил составляет обязанность ремесленного старшины и цехового управления (статья 11 и следующая).

Правила превосходны. Надобно желать только, чтобы надзор за их исполнением был неутомим и действителен; и конечно каждый честный человек обязан помогать официальным властям в этом деле, неукоснительно доводя до их сведения о всех замечаемых ими уклонениях от законных правил. Содействие это легко для каждого из нас. Кому из нас не случается бывать в мастерских, к кому из нас не бывают присылаемы ученики с заказанными вещами? Надобно нам помнить, что успех всех правительственных мер зависит от содействия, оказываемого обществом надзору за их исполнением. Если мы не покинем свою вовсе негражданскую привычку смотреть на все апатически, никогда ничто не исполнится так, как того хочет закон. Мы должны помнить, что закон в своем исполнении опирается на бдительное содействие общества. Дело закона есть дело каждого из нас. «Какое нам дело до ремесленных учеников?» Если говорить так, то общество скажет и каждому: а какое мне дело и до твоих дел? Так издавна говорило оно, то есть говорит каждый из нас друг о друге, — но хорошо ли было от того каждому честному человеку из нас? Пора нам оставить эту узкую апатию. Дела каждого

честного человека могут идти только тогда, когда за исполнением покровительствующего ему закона наблюдает каждый честный человек.

Мы совершенно отвыкли от понятия о солидарности, о круговой поруке, которою связано положение личных дел каждого из нас с делами всех других. От этой неопытности происходит то, что когда мы начинаем рассуждать о предметах, хотя на вершок выходящих из круга личных дел отдельного человека, мы теряем такт действительности, воображаем причины небывалые или, по крайней мере, недостаточные для объяснения дела, предаемся желаниям вовсе не нужным или, по крайней мере, таким, исполнение которых не принесло бы никакой существенной пользы делу, — воображаем, например, что стоит только сказать о воре: «он вор», и он будто бы устыдится, перестанет красть, сделается примерным гражданином; не шутя, мы чуть ли не все предавались этой надежде. Забавно даже вспомнить, как почти все мы восхищались мыслью: «пусть литература преследует взяточничество, и взяточничество исчезнет». Мы вообразили, будто мы уж и в самом деле исцеляем общественные раны, когда все хором начали рассуждать.

Кот Васька плут, кот Васька вор...

Но вот, наконец, мы увидели, что «кара общественного мнения» и «грозный бич сатиры» не слишком-то действительное лекарство, — увидели что

Васька слушает да ест,

— и многие из нас были удивлены этим открытием: «как? он не исправился?», и мы начали придумывать, какими бы средствами его исправить. Средства эти иными придумываются очень удачно, — вот, например, в рассказе «Исправник»¹⁴ (в № 17 «Русского вестника») предлагается средство, которое совершенно удовлетворительным образом уврачуе болезнь. Мы заговорили об этом рассказе не потому, чтобы он был сам по себе нехорош или особенно хорош, — рассказ подобен всем рассказам, написанным в подражание г. Щедрина, и мы не думали было говорить о нем. Но мы получили от одного не-литератора письмо, которое, по поводу этого рассказа, высказывает мысли очень дельные, — и так как многие разделяют понятие автора рассказа о причинах взяточничества и надежду на предлагаемое им лекарство, то мы помещаем это письмо:

«Что это за несчастная история стала теперь нередко повторяться в нашей литературе? (говорит наш корреспондент). Вот, например, рассказ «Исправник» в 17 книжке «Русского вестника». Надо же было автору испортить рассказ заключением, которое вовсе не практично. Исправник рассказывает автору разного рода мошенничества, которые приводилось ему делать во

время долговременной службы, и заключает свои рассказы тем, что взятки брать необходимо, потому-де, что ему, исправнику, мало жалованья! Но скажите, ради бога, где же предел увеличению жалованья? Если исправнику, получающему в год более 1000 руб. сер<ебром>, мало этого жалованья, то что должен сказать писец канцелярии земского суда, получающий в год около 25 руб. сер<ебром>? Вот этому последнему действительно мало жалованья и ему можно извинить, что он берет, где можно, четвертаки и двугривенные, для того, чтобы избавиться от голода и холода, — а каким образом исправнику сделалось мало жалованья? Наконец, допустимте эту лже-теорию, что взятки берут будто бы оттого, что мало жалованья, и что будто бы с прибавкою жалованья взяточничество ослабеет, — но я вас спрашиваю: неужели честность состоит в том, чтобы не брать взятку, когда сидишь по горло в деньгах? Есть деньги — не беру, нет денег — беру. Не могу иметь за столом бутылки вина — беру на вино, захотел иметь четвертое блюдо за столом — беру на четвертое блюдо; есть пара лошадей, хочу иметь четверку — беру на недостающих двух лошадей; у жены шелковая шляпка, она хочет иметь бархатную — беру на бархатную и т. п. Словом — нет особенной нужды — не краду, а захотелось чего-нибудь, чего на жалованье нельзя приобрести — украду. Эту ли нравственность хотят проповедывать господа, оправдывающие взятки недостатком жалованья? Хороша нравственность! Чего недостает тебе и чего хочется, то укради! Жалованьем ты имеешь возможность жить безбедно, но скромно, а тебе хочется жить роскошно — воруй! Помилуйте, что это такое? Как не стыдно проповедывать ложь и безнравственность, оправдывать воровство невозможностию удовлетворять прихотям? После этого мужички наши, трудящиеся, конечно, не меньше какого-нибудь исправника и не имеющие не только никаких прихотей, но часто необходимого, — имеют полное право грабить всякого встречного и поперечного, и исправники, на основании своей логики, не должны сметь останавливать их! Я, впрочем, полагаю, что люди, оправдывающие воровство недостатком законных средств удовлетворять прихотям, — делают это просто по недоразумению. Вот хоть бы в «Исправнике» — по рассказу видно, что автор его человек прекрасный и благородно-мыслящий, а между тем делает снисхождение вору во имя недостатка жалованья... не такого недостатка, который лишает человека возможности удовлетворять первым потребностям, а недостатка, не позволяющего давать разгула прихотям. Какого после этого сожаления заслуживают бедные, но честные труженики: они просто глупы — бьются бог знает из-за чего, тогда как есть прекрасное средство без большого труда не только обеспечить себе средство существования, но и разбогатеть — это воровать».

Все это так; но если не только литературные обличения, но

и прибавка жалованья — недостаточное лекарство, в чем же надобно искать лекарства? Вопрос этот оставлен нашим корреспондентом без ответа.

Мы сетуем о своих недостатках, изобличаем свои пороки, все это прекрасно; только не должно увлекаться этим направлением до такой степени, чтобы не находить в своем обществе ничего хорошего. Есть в других странах бедствия, от которых избавлены мы, например, биржевая игра, свирепствующая во Франции, разоряющая ежедневно тысячи семей, грозящая разорением всему государству. Французы не могут никак придумать средства к искоренению этого зла, а средство есть очень простое, — издать такой закон, какой существует у нас: продажа акций допускается на бирже только на наличные деньги, — какое простое, но какое действительное средство! Но французы еще не догадались в этом случае, что средство против общественных зол — законы, и поэтому-то все желания избавиться от биржевой игры остаются пока напрасными.

Заговорив об акциях, мы уже подошли к новостям из области промышленного движения. Читателям известно, что участок Варшавской железной дороги от Гатчина до Луги уже готов; что участок от Луги до Пекова будет готов к ноябрю; таким образом Главное общество железных дорог ведет свое предприятие столь деятельно и успешно, что в течение трех с половиною месяцев исполнило почти половину работ, которые по договору обязано исполнить в три года. Это подает основательную надежду, что уступленные обществу дороги будут построены гораздо ранее, нежели в десять лет.

Число акционерных обществ у нас продолжает возрастать. По журналам комитета гг. министров, от 19 и 23 июля, высочайше утвержден устав Товарищества для заведения при нарвском водопаде мануфактуры бумажных изделий. Основатель этого предприятия, получающего имя «Товарищества Кренгольмской мануфактуры», нарвский купец г. Кноп. Капитал общества определен в 2 000 000 руб. сер<ебром>, разделенные на 400 паев, по 5000 р. сер<ебром>. В случае надобности он может быть выпуском 200 дополнительных паев увеличен до 3 000 000 р. с<еребром>. Правление общества состоит из трех директоров, не получающих никакого вознаграждения. Одним из директоров будет учредитель общества, два другие избираются общим собранием владельцев паев, которому правление обязано представлять ежегодно отчеты. Кроме того, общее собрание имеет во всякое время право подвергать правление ревизии посредством избираемых для того из среды своей трех депутатов.

Настоящее время чрезвычайно благоприятно для основания новых промышленных предприятий. Действие закона, понизившего банковые проценты, уже заметным образом обнаруживается в приливе капиталов к оживлению промышленности.

Цены акций всех прочных обществ повысились в последние два месяца на десять и более процентов. Эта высокая цена, уже не представляющая для капиталов слишком выгодного помещения, а еще более недостаточность числа акций существующих компаний для удовлетворения быстро возрастающему запросу на них чрезвычайно облегчает возникновение новых коммерческих, фабричных и заводских предприятий, в которых так нуждается наш экономический быт.

Одно учреждение пароходов по всем судоходным рекам нашим представляет уже помещение для многих миллионов рублей. Настоящее развитие пароходства у нас еще очень недостаточно. Так, например, на Волге, главной дороге всех экономических оборотов восточной половины России, в настоящее время ходят еще не более шестидесяти пароходов, считая даже и те мелкие паровые суда, которые употребляются только для заправки якорей при конных машинах. Правильная пароходная перевозка пассажиров существует еще только в верхней части Волги; и в верхних и в нижних частях товарных пароходов недостает для перевозки и десятой части товаров, нуждающихся в их содействии.

Развитие пароходства и самых фабрик, при быстро исчезающем запасе лесов в Средней России, при безлесности Южной России, зависит от развития каменно-угольных копей, которые у нас до сих пор остаются в ничтожестве, даже при таком богатстве, какое представляет Донской каменно-угольный бассейн. Добывание донского антрацита на месте обходится очень дешево — окло 5 коп. за пуд при патриархальных способах и не более 2 коп. при введении улучшенных способов. Но сбыта в торговые и промышленные пункты южного края антрацит не находит, потому что вытесняется английским каменным углем, продающимся дешевле. Некоторые предлагают помочь сбыту антрацита наложением пошлины на английский уголь, — но очевидно, что эта мера была бы противна здравому экономическому расчету. В чем состоит нужда промышленности? В дешевизне топлива для паровых машин. Каким же образом помочь ей, изгоняя более дешевое топливо для доставления сбыта более дорогому? Ясно, что наложение пошлины на английский уголь только стеснит промышленность, вовсе не помогая антрациту. Это вроде того, как если бы для доставления сбыта дорогому сукну мы обложили высокою пошлиною дешевое сукно — сбыт дорогих сукон оттого не увеличился бы, а суконное производство чрезвычайно уменьшилось бы, и погибло бы овцеводство. Здравый смысл говорит, что единственный полезный для промышленности способ доставить сбыт антрациту: забота об устранении затруднений перевозки, возвышающих его цену, расчищение устьев Дона и проложение железной дороги от антрацитовых копей к этой реке.

Важным явлением в нашей промышленности была варшав-

ская выставка¹⁵. Число экспонентов (333) на ней было вдвое менее, нежели на московской (1853 г.) и петербургской промышленных выставках. Стоимость выставленных товаров оценена в 200 000 руб. сер[ебром], втрое менее, нежели на московской выставке. Специалисты, вникавшие в дело, объясняют это уменьшение необходимостью экспонентам представлять засвидетельствованные официальным порядком статистические сведения о своем производстве. Но хотя продукты явились на выставку в меньшем количестве, нежели прежде, утешительным фактом надобно считать то, что качество их вообще улучшилось, сравнительно с бывшими на московской выставке товарами тех же экспонентов, так что, несмотря на малость своего размера, выставка свидетельствует о довольно значительных успехах нашей промышленности в течение последних четырех лет.

< ИЗ № 11 «СОВРЕМЕННОГО» >

Посредники между Европою и Россиею. — «Подручные средства» для излечения всяких общественных пороков и недостатков и действительность этих средств. — Мнение практических людей о том, возможен ли и нужен ли прогресс, например, полезно ли отменение телесного наказания как административной пружины. — Оптимизм. — Буксирное пароходство по рекам Москве, Оке и Волге. — Выставки: сельских произведений в Киеве и льняных изделий в селе Великом. — Училище для девиц в Костроме. — Стипендия Грановского.

Одна из самых обыкновенных у нас жалоб на Западную Европу состоит в том, будто Западная Европа слишком доверчиво принимает все пустые слухи, все вздорные рассказы о нас, какие вздумает разглашать какой-нибудь поверхностный турист, проживший в Петербурге, как говорится, без году неделю, не знающий нашего языка, не понимающий наших обычаев, не видавший своими глазами ничего, кроме Невского проспекта да нескольких бесцветных салонов. Не знаем, насколько есть основательности в этой жалобе, против которой можно сказать, что книги дельные о России как и обо всем на свете, предпочитаются в Западной Европе вздорным книгам, которые пишутся не об одной России, а также обо всем на свете; что число таких дельных книг о России, написанных немцами, французами, англичанами, очень велико; что по этим сочинениям человек, живущий на Рейне или на Луаре, может познакомиться с Россиею (и знакомится, если он человек основательный) так же хорошо, как если бы жил на Оке или на Днепре. Мы не знаем, насколько есть справедливости во мнении, будто бы дельные люди в Западной Европе имеют о России неверное понятие. Но если есть в этой жалобе хотя капля справедливости, виноваты в заблуждениях Европы не поверхностные туристы, которым никто не верит, видя их пустоту уже по одним несомненным внешним признакам легкомыслия и незнания, а мы сами, которые очень-таки часто рассказываем о себе Европе

бу́щие небы́лицы, с ва́жно́стью и ви́димою основа́тельностью, да еще притом с прибавлениями, что мы-де одни только и можем сказать Европе правду, потому что мы одни хорошо знаем дело, потому что мы всю жизнь прожили в России, сами русского рода, знаем все, что у нас делается, как свои пять пальцев, и вдобавок еще опираемся на официальных сведениях и что одних нас Европа должна считать за истинных представителей и истолкователей России. Смотрит Европа, — фамилия у человека русская, и действительно он весь век прожил в России, да и ныне живет все в России же, и всех мало-мальски важных людей в Петербурге и Москве по имени и отчеству знает, и приятель с ними со всеми — все внешние признаки достоверности есть, — как же не верить? А попробуй Европа поверить нам, таких турус на колесах расскажем, что только руками разведет Европа, слушая. Примеров тому можно бы набрать немало.

[Вот, например, чуть ли уж не с полгода тому назад было напечатано в одной французской газете, называющей себя посредницею между Европою и Россиею, письмо одного известного нашего ученого и публициста, — о последней войне и ее следствиях или причинах¹. Письмо хорошее, слова нет, — но все мы люди, и автор письма тоже, — и среди мнений, которые, может быть, и справедливы, выразил он несколько таких понятий, которые всем, кроме только его самого, кажутся ошибочными. Прекрасно, что ж делает газета? Она сопровождает письмо замечанием, что автор — представитель и чуть ли не глава «московитской» или «русской» партии, которая многочисленнее всех других партий в России. Что за чудеса! В России есть партии, да еще многочисленные! А мы, отродясь, слово «партия», говоря о своих, домашних, делах, только и знаем в том смысле, что такой-то сделал хорошую, если взял много денег за невестою, а такой-то дурную, если у невесты ни денег, ни связей. Мало того, что у нас есть партии, — самая многочисленная из этих партий какая-то русская. Что за диво! Да где ж она, да почему же мы не видали, не слышали ничего подобного? Можно ли так дурачить Западную Европу? Ну, скажите, что она должна подумать о нас, прочитав такие известия в газете, выдающей себя за представительницу России, в газете, претендующей на чрезвычайное официальное и конфиденциальное знание всего, что происходит в России? В России партии, да еще многочисленные! На что это похоже, сообразно ли это с здравым смыслом? Есть в России люди ученые; они иногда спорят между собою об ученых вопросах, да и большею частью относящихся к давним, очень давним временам, вроде того, какое кушанье было самое любимое у русских при царе Алексее Михайловиче — куры с шафраном или пряжено с луком, и вкусно ли было это пряжено с луком? — неужели это партии? Вот ведется жаркий спор о том, хорошо ли сделал Добрыня Никитич, проучив маленько свою жену за Тугарина Змеевича, —

там горячатся, рассуждая о том, к великорусскому или к старославянскому наречию ближе подходит язык несторовой летописи — и это вы называете партиями? Да скорее уж спор двух дам у Гоголя о том, «пестро» или «не пестро», — спор партий, тут дело идет по крайней мере о настоящем времени, а не временах прадедовских. Существует ли в России между образованными людьми какое-нибудь разноречие по вопросам, составляющим живую потребность настоящего времени? Если есть люди, которые говорят против просвещения, против мер для утверждения правосудия, против мер для преобразования некоторых неразумных экономических остатков нашей прежней грубости, то разве основаны эти толки на чем-нибудь, кроме невежества? Невежество не есть политическая партия, как не партия пьянство или лень, — это просто недостаток. К чему же вводить Европу в обман словами, не имеющими ровно никакого применения к русскому обществу? Но, мало того, что мы применили к России слова, вовсе не идущие к ней, — мы выдумываем факты, мы по капризу наших мечтаний искажаем действительность.

[Вот, например, отрывок из той же газеты («Le Nord», № 280, 7 Octobre *)]:

«Невозможно не чувствовать удовольствия, видя стремления русской литературы в последнее время. Беллетристика представляет нам, в форме драмы или повести, наименее светлые стороны нашей администрации. Ученые статьи сборников и журналов изобилуют вопросами, применение которых составляет необходимую потребность России (*est par dessus tout, indispensable à la Russie*). Так, например, газета указывает две статьи о судопроизводстве, помещенные в журналах. В самом деле, так как правительство задумало коренные преобразования в судопроизводстве, то, очевидно, дело не обойдется без введения присяжных и адвокатов. Почему не обратиться к простейшим и естественнейшим формам судопроизводства, которые наидействительнейшим образом ограждают безопасность граждан и, следовательно, спокойствие правительства? «Гласность, по словам известного писателя, избавит правительство от опасности быть обманываему». Бюрократическая форма судопроизводства необходимо соединена с бесконечною перепискою, запутаннейшими формальностями и неогражденностью подсудимого. Чиновник, назначенный правительством для отправления правосудия, видя перед собою океан бумаг, теряет из виду живую сторону процесса и произносит приговор только по букве закона. Из настоящего приговорного положения нельзя выйти иначе, как учредив такие суды, в которых правосудие отправлялось бы публично; чем больше будет усилий со стороны законодателя стеснить произвол судьи постройкою новых законов и новых формальностей, тем больше

* «Север», № 280 от 7 октября.

доставится судье средств оставаться формально верным законности, действуя произвольно относительно сущности дела.

Мы думаем, что имеем право не от своего, а от высшего имени сказать (*Nous nous croyons autorisés à affirmer**), что чем скорее правительство произведет реформы, которые всеми признаются за необходимые, тем благодетельнее будут их результаты. Каждый день, потерянный в этом деле, есть невознаграждаемая потеря. Многие из наших надежд начинают исполняться; правительство с каждым днем приобретает новые права на нашу признательность, и мы не сомневаемся в том, что оно живо озабочено прискорбным положением этой отрасли правления. Если я не ошибаюсь, граф Панин, министр юстиции, просвещенный савонник, расположен в пользу введения присяжных и адвокатов.

Надобно желать, чтобы явилось более статей, подобных указанному нами, они приготовят общественное мнение к пониманию пользы новых мер, которые неизбежно будут приняты просвещенным и желающим народного блага правительством.

Итак, от графа Панина зависит возможно скорее применение всех мер, необходимых для произведения неотложительно этой нужной реформы. Без сомнения, у него не будет недостатка в благонамеренных помощниках.

О реформе говорят серьезно. Но кажется, что в настоящее время ограничатся допущением принципа устной защиты. Так как у нас все в администрации и судопроизводстве тесно связано, то стоит только сдвинуть один камень, все ветхое административное и судебное здание потребует переделок. Устная защита приведет к образованию сословия адвокатов и, следовательно, к полной ресрганизации судопроизводства, потому что будущие адвокаты, я уверен, каждую своею речью перед нашими судьями будут разоблачать слабость и беспорядочность нашей судебной организации».

Эта забавная тирада, вся составленная из фантазий автора, принимаемых им за факты, так курьезна, что мы приводим ее в подлиннике.

Что за прелестная самоуверенность, что за проникательная сообразительность, и какое точное знание фактов не только настоящих, но и будущих! *Nous nous croyons autorisés à affirmer**, т. е. это, дескать, не наши предположения, это, дескать, факт, о котором сообщены нам, от кого надлежит, положительные сведения, — да это прелестно! «Граф Панин, *si je suis bien informé*** думает так-то и вот так-то», т. е. я, дескать, не так себе, ве кто-нибудь, не такой человек, которому известны проекты и предположения министров, — это очень хорошо, зато и министры, с мыслями которых наш предвещатель так коротко знаком,

* Мы считаем себя в праве утверждать. — *Ред.*

** Если я правильно осведомлен. — *Ред.*

награждаются от него лестным для них из таких уст одобрением, что, дескать, они люди просвещенные, и *sont des dignitaires éclairés* *, впрочем, вы знаете, иначе и нельзя: ну, вечером с ними встретиться, они читали мою статью, — неловко не выразиться любезным образом о своих хороших знакомых. Жаль только, что при этом вспоминается, как Иван Александрович ² в Петербурге «всякий день бывал на балах. Там у нас и вист свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я». Вот, вероятно, тоже хорошо знал министерские проекты, тоже мог сказать: *Je me crois autorisé à affirmer* **.

На чем вся эта перспектива основана? Да просто на том, что одному русскому юристу вздумалось познакомить русскую публику с юридическою книгою, вышедшею в Германии, и он поместил в одном из наших журналов статью, пересказывавшую содержание этой книги, написанной, само собою разумеется, без всякого помышления о России. После этого, значит, если в другом журнале будет помещено извлечение из какой-нибудь французской книги о кофейных деревьях, а в третьем — из английской книге о портере, то я также могу *me croire autorisé à affirmer* ***, что министр внутренних дел думает разводить кофейные плантации в Вологодской губернии, а министр финансов — винокурение заменить выделкою портера?

И какие размышления пристроились к столь основательным известиям, — и то, дескать, хорошо, что являются подобные статьи, потому, что они готовят общественное мнение к пониманию пользы, приносимой реформами, — оно правда, такие статьи очень хороши и полезны, но кто вам сказал, что общественное мнение не готовится и т. д. — да разве общественное мнение уже не готово к пониманию пользы и т. д.? Неужели оно у нас находится еще в таком «прискорбном положении», что не будь статьи в том или другом журнале, так общество ничего и не знало бы, и не думало бы, и не понимало бы? Напрасно вводить Европу в такое заблуждение, напрасно выставять нас ей в таком ребяческом виде, будто бы нас нужно готовить даже к тому, что $2 \times 2 = 4$. Что подумает о нас Европа, если поверит этой статье? Подумает, что мы дикари, которые сами еще не имеют понятия о вещах, которые в образованном обществе для ребенка ясны. Когда вводилось в армию нарезное оружие, вводилась гимнастика, когда уменьшалась огромная численность армии, может быть, и тут надобно было предварительно готовить общественное мнение к пониманию пользы этих реформ, — или и без журнальных статей все к ним были готовы?

* Просвещенные сановники. — *Ред.*

** Я считаю себя в праве утверждать. — *Ред.*

*** Считать себя в праве утверждать. — *Ред.*

Но главное: какое понятие вы даете Европе о нашем государственном состоянии? Будто бы у нас и судопроизводство находится в «прискорбном положении», и «суды слабы» и т. д., и т. д., — да неужели это в самом деле правда? И будто реформы, вами предвещааемые, в самом деле уже так «безотлагательно необходимы» и «неизбежны», как вы говорите? Ну, что подумает о нас Европа, увидав, что ваши предвещения не сбываются? Хорошо ли будет, если она скажет, что у нас не исполняется необходимое и даже избегается неизбежное? К чему вводить и нас в такой стыд, и Европу в такое заблуждение ради красного словца, да из желания намекнуть, что мы-де уж «свой вист составили, министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я», и что потому планы и намерения правительства мне хорошо известны? К чему толковать Европе, что правительство принимает меры, которые принимать оно, быть может, и не считает нужным, хочет удовлетворить реформами потребностям, которые, быть может, оно и <не> находит еще столь безотлагательными и нуждающимися в удовлетворении?

Невыгодно положение, в которое ставят нас перед Европою такие посредники; невыгодно положение, в которое ставят они и Европу: если она поверит им, она будет введена в совершенное обольщение. А с другой стороны, как же и не поверить? Ведь пишет человек из Петербурга, уверяет, будто все знает, что делается в Петербурге, обвиняет в незнании других публицистов, пишущих о России — вы-де все ничего не знаете, я один достоверен, и *je me crois autorisé à affirmer...* Ну, как не поверить? А попробуйте поверить, он вам таких вещей наговорит, что вы подумаете, будто ныне Петербург уже не на Неве, а <на> какой-нибудь Темзе или Шельде стоит.

Кто же после этого виноват, если Европа иногда ошибается в своих мнениях о нас? Не мы ли сами беседуем с нею так, как Иван Александрович Хлестаков беседовал с своими гостеприимными хозяевами? Благо он из Петербурга, а те не бывали в Петербурге, стало быть, можно дать разгул фантазии!]

Впрочем, как нас осуждать за то, что мы Европу иногда желаем морочить, когда мы и сами себя морочим очень часто. Например, разве мы не уверяли себя в том, что г. Щедрин все наши язвы исцелил, — или если еще не совсем исцелил, так исцелит, нужно только еще третий томик «Губернских очерков» написать, и обратятся на путь добродетели и бескорыстия те немногие грешники, которые не покаялись и не исправились от двух первых томов? Так и кажется, будто слышишь слова Плюшкина: «Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устояшь». У нас есть привычка все вопросы разрешать таким образом, все недостатки исправлять словами, все обязанности вваливать на общественное мнение, которое будто бы всему поможет разговорами. В прошлом меся-

це, например, в двух или трех изданиях разбиралось дело о том, почему у нас все живут выше своих средств, объяснялось, как это дурно — и приискалась какая же тому причина? — видите ли, опять виновато общественное мнение, зачем-де оно не преследует людей, которые по уши лезут в неоплатные долги или для сведения концов с концами прибегают к дурным средствам для увеличения доходов? Но что это за наивность! Человек, который живет богато, во всяком обществе, не у нас одних, пользуется большим уважением, нежели живущий бедно, такова уж человеческая натура. Еще нашли причину и лекарство: это, дескать, все происходит от тщеславия, от суетности, от желания показать, что и я не хуже других, — надобно вам живущим выше своих средств исправляться от тщеславия и суетности, — тоже хорошее средство, жаль только опять, что подавлять в себе тщеславие каждому из нас гораздо труднее, нежели давать ему простор, — если бы подавлять в себе слабости было легко человеку, и предметов для моральных рассуждений давно не было бы на свете, никаких ни слабостей, ни пороков не существовало бы на земле, и каждый вокруг себя видел бы все одних только Цинциннатов. Нашлось и еще средство: зачем-де богатые живут роскошно? Это все их пример вводит в грех, все за ними тянутся люди, живущие не по средствам. Пусть богатые подадут пример скромного образа жизни, и все пойдет хорошо. Да, недурно; жаль только, что богатому нет ровно никакой приятности не пользоваться своими средствами для доставления себе богатств и развлечений. У вас есть средства ездить в карете, — что ж вам за радость ездить на дрянных извозничьих дрожках? И сидеть неудобно, и простудиться можно, и ветер и дождь бьют в лицо, и платье портится. И притом, уж если на то пошло, лучше роскошничать, нежели быть Плюшкиным. Да и что ж вы дурного делаете, если вы, богатый человек, живете богато? Ведь вы живете по своим средствам, и я вовсе не следую вашему примеру, если я, человек бедный, роскошничая, — я мот, а вы не мот, и обвинять вас за меня несправедливо. Не лучше ли было бы посмотреть, чем поддерживается слабость, на которую мы жалуемся. Человек живет выше своих средств для удовлетворения своему тщеславию, — но ведь берет же он откуда-нибудь деньги? Он их или занимает и не платит долгов, или грабит. Вот в этом-то и корень зла. Если грабить будет нельзя, да и увертываться от уплаты долгов или от тюрьмы тоже, тогда и не на что будет жить выше своих средств. И откуда является расточительность? Из незнания цены деньгам, — а кто не знает цены им? Тот, кто получает их задаром, без труда, — трудовая копейка не пойдет никогда на мотовство. Так не лучше ли, вместо рассуждений о тщеславии и общественном мнении, говорить о том, каким бы образом устроить, чтобы доход каждого был вознаграждением за его труды, а не плавали к нему в руки тысячами

ни за что, ни про что; каким бы образом никто не мог отвиливать от законных взысканий [а тем менее мог бы грабить]. Вот это вещи действительно удобоисполнимые и действительно полезные, а моральные рассуждения о том, что «против душеспасительного слова не устоишь» и что общественное мнение должно пренебрегать богатствами, — все они превосходны, но ровно ни к чему не ведут. Те самые, которые рассуждают в нравственном тоне, иногда сознают недостаточность предлагаемых ими средств. Например, по поводу статей в «Московских ведомостях» «о том, отчего всякий желает жить выше своих средств»³, г. А. Р-ский в «Кавказе» говорит:

«Общество сильно сознает свои недостатки; везде проявляется потребность воздуха, света, правды и уничтожения предрассудков и тьмы. Казалось бы, что прямым последствием такого сознания должно быть то, что общество вдруг откажется от всех своих дознанных недостатков и будет жить новою лучшею жизнью; но ничуть не бывало: ему, как и каждому отдельно взятому лицу, несмотря на твердое убеждение в противозаконности и гнусности своих поступков, трудно отказаться от них, потому что они в сердце общества глубоко пустили свои корни и сроднились с ним. А потому, когда такое общество, сознавая вполне все свои слабости и недостатки, не думает бросать их, то для искоренения этого всеобщего недуга, этих недостатков, необходима борьба, напряженное и продолжительное усилие благородных умов, дабы совладать с невежеством и предрассудком; необходимо все слабости и пороки общественные, говоря словами одного известного нашего литератора, «уловлять в известную данную минуту и казнить их, предавая на всеобщее посмеяние, на всеобщий позор, прочувствовав их скорбным сердцем, так, чтобы в смехе автора, как прекрасно выразился Гоголь, слышались слезы». Вот одно из подручных средств к исправлению общества от тех черных пятен, которые оно, по собственному произволу, носит на себе и по настоящее время. Это труд не маловажный: его покончить сразу и как-нибудь нельзя. Тут нужны таланты, которые бы своими убеждениями сильно подействовали на общественное мнение и чтобы эти убеждения их получили полное значение в обществе. Гениальному нашему поэту-художнику, который «ведал Русь и жизнь ее глубоко», много оставалось еще исчерпывать у общества вредные его соки: смерть прекратила благородные, добровольно предпринятые им труды на пользу общества. Нашлись, впрочем, благодаря судьбе, ревностные и даровитые его последователи, которые всему вредному стараются дать публичность, гласность, чтобы мало-помалу укрепить общественное мнение, навести его на прямой, истинный путь и «дать ему ту необходимую мощь и, наконец, то единственное оружие, которыми оно будет вооружаться и преследовать все нечистое, злое, враждебное духу добра и истины. И тогда только мы будем на дороге к свету и истине, пока одинокий чей-нибудь голос не сольется с голосом целого общества. Да, мы от души желаем и ждем переворота к лучшему в настоящей общественной нашей жизни: ждем, наконец, того времени, когда исчезнет это пагубное соревнование в роскоши, это желание не отставать от общества, потому что так, говорят, принято; горестное соревнование, раstraивающее благосостояние семейств».

Хорошо, но с чего начинает сам автор? С того, что общество уже в настоящее время сильно сознает свои недостатки и, однако же, не отказывается от них. Если так, литературные ли таланты тут нужны? Что они могут сделать своими произведениями? пробудить общественное сознание; но ведь оно уже сильно про-

буждено, стало быть, так называемые «усилия благородных умов» уже сделали свою долю дела, и если дело еще не совершилось, то не за «усилиями благородных умов» остановка, не от них уже зависит продолжение и совершение предпринятого ими. А все-таки, вы думаете, что одних этих усилий достаточно, все-таки, ничего не желаете, кроме появления «талантов, которые предавали бы на всеобщий позор» и т. д. — да это ведь уж сделано и не произвело никакого изменения в слабостях и пороках; какое же основание вы имеете не только «желать» (желать всего хорошего — как не желать, всякий желает), но и «ждать» изменения «к лучшему в нашей общественной жизни»? Разве жизнь в словах, а не в делах? Инстинктивно чувствует это сам автор: он ждет и чувствует, что не имеет основания ждать, пока основанием надежд служат только «усилия благородных умов», то есть «талантов, последовавших за Гоголем», и потому-то, как бы думали вы, чем заключается его статья? Вот чем:

«Мы ожидаем с нетерпением этого счастливого времени, прогресса в общественной жизни; но вряд ли прогресс этот совершит скоро свой окончательный путь, и, кажется, нужно будет при этом сказать слова маршала Сильвена:

*Dormons jusqu'au bon temps,
Nous dormirons longtemps...» **

Разумеется, если прогресс будет зависеть только от того «подручного средства», на которое вы указываете, не скоро дождешься прогресса в общественной жизни.

Какой тут, в самом деле, прогресс, если, по мнению опытных людей, нельзя и не должно [при настоящих отношениях] ничем заменять даже телесного наказания. Читатель помнит, что в «Земледельческой газете» это дело было поставлено на обсуждение под именем «хозяйственно-административного вопроса» и что некоторые просвещенные филантропы утверждали, что сельскому хозяину можно обходиться без помощи телесных наказаний. Мы думали, что такая надежда едва ли основательна; что люди с исключительным характером, как г. Болтин и г. Каргопольцев, конечно, могут управлять так, что телесные наказания не оказываются нужными в их хозяйстве, но что исключение не есть правило и что люди с обыкновенным характером, находясь в положении гг. Болтина и Каргопольцева, не могут найти удобным следовать их примеру. Это мнение подтверждается (в № 86-м «Земледельческой газеты») словами г. П. Давыдова, корреспондента Вольного экономического общества ⁴.

«При определении меры наказания (говорит г. Давыдов) со стороны наказывающего требуется полное спокойствие духа и рассудительность. Я говорю это потому, что есть проступки, которые взволновывают горячие темпераменты до некоторой забывчивости. К числу таких-то проступков

* Будем спать до хороших времен,
Спать нам придется долго. — *Ред.*

принадлежат грубости и грубиянство прислуги. Нельзя не согласиться с тем, что не за всякую вину должно сечь крестьянина, и притом часто за одну и ту же вину двум разным лицам не следует назначать телесное наказание, если они имеют между собою разницу в умственном и нравственном развитии. В человеке, в котором не вполне развиты нравственные правила и в котором они не вполне укоренились, управляют более побуждения сердца, под влиянием страстей; привлекательные картины, в которых являются таким натурам задуманные поступки, заставляют их забывать правила честности и другие не укоренившиеся нравственные качества. Они в это время похожи на детей, которым говорят «стыдно, стыдно» и которые, не усваивая понятия стыда, не перестают упрямиться до тех пор, пока не покажут малым буку, а большим розгу; розга не говорит стыдно, но дитя впоследствии, при словах «стыдно», уже скорей понимает это слово. Отчего же наказывают детей? Оттого, что в них действует физическая натура, а не ум. Точно так же и в человеке с неразвинутою духовною субстанцією действует физическая его натура, не обуздываемая сознанием рассудка, почему и следует противодействовать этой натуре физически. По всем этим доводам я как-то смелее могу высказать мнение мое, что нет надобности изобретать новые наказания, а лучше заботиться о том, чтобы не впадать в крайности: употребляя старые наказания, не превращать в месть, не сечь того, кому следует буку показать, и не показывать буку тому, которого надо высечь, не назначать наказания тотчас по открытии проступка, потому что сам назначающий может быть взволнован и впасть в крайность, и постоянно помнить слова спасителя: «будьте милостивы, помилованы будете».

Мнение г. П. Давыдова очень практично. Гуманность г. П. Давыдова выразилась в том, что при наказании он считает нужным полное спокойствие духа и рассудительность в наказывающем и ссуждает «забывчивость горячих темпераментов», хотя и признает, что «грубости и грубиянство прислуги» вызывают на такую забывчивость. Действительно, человек, которому прислуга говорит грубости, очень достоин сожаления; но странно то, что только у некоторых из нас бывает такая прислуга. В Англии и Франции дело неслыханное, чтобы слуга был груб, он всегда деликатен, кроме разве тех случаев, когда отвечает оскорблением на оскорбление, но ведь это уже не грубость, а самозащита. Мы редко слышали, чтобы и у нас люди, имеющие наемных служителей, жаловались на их грубость, — слуги их иногда плутуют, иногда лентяят, иногда придерживаются чарки (слабости, свойственные не одним слугам); но грубость редкий порок в наемных служителях, а если он встретится, то не подает господину никакого повода к мучительному волнению, доходящему до «забывчивости»: при первом неучтивом слове, господин говорит: «Тебе, вероятно, не угодно у меня служить, так что ж? Иди себе, я тебя отпускаю». И грубостей не бывает. Потому надобно думать, что если какой-нибудь господин «волнуется» от «грубиянства» своей прислуги, то напрасно он «волнуется» — дело можно поправить без «забывчивости», пусть грубиян слуга идет себе куда хочет, а барин пусть наймет себе слугу и наверное избавится от «грубиянства». Это средство, повидимому, неизвестно г. П. Давыдову; но, тем не менее, г. П. Давыдов человек очень гуманный: он прямо говорит, что «не за всякую вину должно сечь крестьянина»,

и с ним нельзя не согласиться. Например, крестьянин десятью минутами опоздал на поле, — ведь это, если хотите, уж вина; беременная баба сжала десятью снопами меньше других, небеременных баб, — это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдов так гуманен, что, вероятно, не считает приличным сечь за такие вины. Тут довольно побранить и наложить лишний урок. Иное дело, если эта баба на справедливый упрёк и «душеспасительное слово» ответит грубо — ну, тогда другое дело, тут хорошо уж и то, если не «взволнуешься до забывчивости», и с спокойствием духа исполнишь наказание.

Да и в самом деле, с чего взяли эти филантропы, будто телесное наказание не совсем похвальная административная мера? Что такое наш крестьянин? Это человек, в котором еще «не вполне развиты нравственные чувства», — то есть в нем еще «неразвита духовная субстанция», потому в нем действует не сознание, а «физическая натура», и, стало быть, очевидно, что этой натуре «следует противодействовать физически» — это совершенно справедливо, [так справедливо, что напрасно г. П. Давыдов применяет свое умозаключение к одним только крестьянам, мы думаем, что следовало бы подвести под те же следствия всех, кто подходит под понятие «неразвитой духовной субстанции», в ком действует не сознание, а физическая натура. Например, что сказать о человеке, доведенном «до забывчивости» грубостью? Ведь в нем действует тоже «физическая натура». Или о человеке, который вообще по какому бы то ни было случаю ударит другого человека по зубам или оттреплет его за бороду? Ведь «духовная субстанция» не может никого бить по зубам и трепать за бороду, — тут «действует физическая натура, не обуздываемая сознанием», и потому также «следует ей противодействовать физически», то есть посредством телесного наказания, если только справедливы соображения г. П. Давыдова. Все это] очень хорошо; жаль только одного: зачем г. П. Давыдов думает, что чувство стыда, чувство чести укрепляется телесным наказанием? В том, что оно «физически противодействует натуре», никто не усомнится; но каждый, знакомый с природою человека, знает, что оно убивает чувство чести и совести, отнимая у человека благородную гордость человеческого достоинством, унижая человека в собственных глазах. Человек, так или иначе побитый, считает свою честь утраченную, ему уже нечего терять: драгоценнейшее, что было у него, отнято у него, ему уж нечем больше дорожить; от дальнейших проступков он удерживается уже не чувством совестливости, как прежде, не опасением унижить свое человеческое достоинство, — нет, только страхом физической боли, — вы сами поступили с ним не как с человеком, а как с животным, и кто же виноват, если он будет теперь действовать как зверь? Чувство физической боли вы делаете единственной уздой для него, подумайте же, выигрывает ли от того ваше спокойствие и общая безопасность? Ведь

эта узда могла быть еще сколько-нибудь действительна тогда, когда существовали пытки, ломание членов, отрубание рук и ног, выкалывание глаз, — это вещи действительно страшные, но ведь согласитесь, теперь они уже не в вашем распоряжении; вы можете пугать только «сечением» — а это разве так страшно? Нервы ребенка не имеют той крепости, как нервы взрослого, воля ребенка боязливее и мягче; однако же каждый из нас очень хорошо знает, как скоро ребенок, которого воспитывают розгою, перестает бояться розги, как скоро доходит он до того, что гордится упрямым равнодушием под розгою, начинает даже сам с ожесточением напрашиваться на нее, находя в упрямом перенесении ударов больше удовольствия, нежели страдания. Это ребенок, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленного физическими лишениями, зноем и холодом, взрослого мужика? — [Розга! — Да слышали ли вы, как отзываются не о розге, а об ужасной плети люди, ей подвергавшиеся? «Плеть ничего, простоял полчаса, да и баста, словно из бани вышел, — по Владимирской в слякоть шагать, вот истинная беда; плетка ничего бы, да вот тем донимают, что далеко больно итти велят после нее». — Розга! — страшна в самом деле боль от вашей розги тому, у кого шея истрескалась под зноем страдного солнца, у кого руки покрылись кожей, твердою, как подошва, от тяжелых трудов пашни]. — Ему эта боль шутка, он боится только стыда; но прикосновение розги убивает в нем стыд, и чем вы тогда его удержите? [Для вашей цели годилась бы, повторяем, пытка, но она не в вашей власти!]

И о таких вещах надобно еще спорить! Говорите же о прогрессе! Если эти споры прогресс, то прогресс, достойный монгольских степей, а не Европейской России; времен какого-нибудь Тимур-Култука, а не XIX века. [А между тем, все-таки г. П. Давыдов чуть ли не прав: скажите, как обойтись его хозяйству без телесных наказаний? Нам кажется, что обойтись ему без них нельзя, — потому-то, между прочим, и надобно подумать, нельзя ли изменить этого хозяйства таким образом, чтобы ему можно было обходиться без телесных наказаний и не подвергаться от прислуги «грубиянству», доводящему горячие темпераменты до «забывчивости»].

А прогресс все-таки есть, хотя и усомнишься в нем на несколько минут, прочитав статейку вроде написанной г. П. Давыдовым, хотя впадаешь на несколько минут в склонность отрицать даже возможность его, прочитав проекты о том, какие «подручные способы» достаточны для исправления общественных недостатков; о том, что если написано несколько статей, «казнящих» тот или другой порок, то и сделано уже все нужное для его уничтожения; что если общественное мнение осуждает известные поступки, то и желать уже нечего: все пойдет прекрасно. Такие узкие и поверхностные надежды отнимают на время всякую уве-

ренность в прогрессе. Думаешь: какими же силами он будет совершаться, если люди, его желающие, считают достаточными для его совершения статьи в журналах?

Но посмотрите, с другой стороны, как он, независимо от воли, совершается даже теми людьми, которые вовсе не думают о нем, или, если думают, то разве затем, чтобы приискивать средства задержать его, — и снова укрепляется убеждение в его неизбежности. Один хлопочет об удовлетворении своего корыстолюбия, другой об удовлетворении своего тщеславия, — и всеми их хлопотами пользуется история, чтобы извлечь что-нибудь доброе из действий, направляемых вовсе не заботою о добре, а просто эгоизмом, иногда и очень грубым, извлечь какую-нибудь пользу даже из тех действий, которые имели целью вред. Например, конечно, не из особенной любви к России послали Людовик-Наполеон и Пальмерстон свои войска к Севастополю, — напротив, они хотели нанести ей как можно больше вреда, — и действительно, много нанесли вреда, а теперь все мы видим, что война принесла довольно значительную пользу России. Правда, такой путь прогресса и тяжел и медлителен, но что ж делать, когда он все-таки самый надежный путь. Благородный мечтатель может жалеть о том, что почти все добро, делающееся на земле, делается непреднамеренно, не по доброй воле людей, а силою обстоятельств; он может мечтать о том, как несравненно больше добра произвели бы человеческие усилия, если бы направлены были прямо к добру, а не к целям пустым или эгоистичным. Но когда находишь в себе спокойствие посмотреть на настоящее как на историческую эпоху, а не как на источник собственных надежд и разочарований, тогда видишь, что и в настоящем действуют те же законы, по которым вечно совершалось движение вперед; и, переставая надеяться при своей жизни дожидаться исполнения хотя сотой части того, что желал бы видеть исполнившимся, тем крепче уверяешься, что все-таки кое-как и кое-что улучшается, развивается. [Видим, что напрасно было бы ожидать от нашего времени того, чтобы главным предметом человеческих усилий сделалось добро, — этого никогда не бывало, всегда, как ныне, двигателями жизни были эгоистические стремления одних, находившие себе точку опоры в доверчивости или незнании, в апатии или слепом увлечении других, — но с тем вместе укрепляешься в мысли, что каждое стремление, каждая деятельность все-таки порождала что-нибудь хорошее, хотя и не думала о том]. История, если хотите, разочаровывает человека, но с тем вместе делает его в известном смысле оптимистом. Многого не ждешь ни от чего, зато от всего ждешь хотя немногого. Да, будем оптимистами.

Это тем легче, что в наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох. Начать хотя с того, что

это стремление дельное, а не праздное; стремление, вовсе не имеющее в виду ничьей гибели — правда, оно губит многих, но только мимоходом, нечаянно, а не по умыслу, как многие из прежних стремлений. Если войны, дипломатические соперничества приносили свою пользу, если даже уничтожение Нантского эдикта принесло свою пользу, как открывается при точном исследовании, как же не принесет пользы мирное и трудолюбивое промышленное направление нашего века? Быть может, иным из нас приятнее было бы господство какого-нибудь более возвышенного стремления, — но чего нет, того нет, а из того, что есть, более всего добра приносит промышленное направление. Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей. Победы Наполеона в Испании и Германии принесли некоторую пользу этим странам, как же не принесут некоторой пользы победы фабрикантов и инженеров, купцов и технологов?

Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас. С каждым новым месяцем нам приходится записывать новые факты этого возрастания. Так, например, в последнее время объем нашего пароходства опять расширился разрешением гвардии капитану г. Львову учредить буксирное и пассажирское пароходство по реке Москве, от города Москвы до впадения реки в Оку, по Оке от Орла и по Волге от Твери до Симбирска и до Нижнего-Новгорода⁵. Пароходы будут с очень малою осадкою, чтобы мелководие не задерживало их: волжские и окские будут сидеть в воде только на 10 вершков, а москворецкие только на 8 вершков.

10 октября открыта была в Киеве выставка сельских произведений⁶, на которой, по словам г. Ходецкого (в статье «Киевских губернских ведомостей»), находилось до 1500 предметов, и особенным богатством отличалось отделение земледелия. Интерес выставки возвышается тем, что большая часть экспонентов — государственные крестьяне, которые представили много замечательных продуктов своих маленьких хозяйств. Несколько раньше, 1 сентября, открыта была в селе Великом (Ярославской губернии, Ярославского уезда) выставка льняных произведений, на которой число нумеров представленных изделий простиралось до 165. Большинство экспонентов были крестьяне села Великого.

Кроме этих двух промышленных известий, из провинциальных новостей заслуживает внимания открытие женского училища в Костроме.

Долго не умели мы ценить заслуги людей, бывших просвети-

телями нашего общества, по крайней мере не умели ничем выразить, что мы ценили их заслуги. Едва ли не первый пример того, что миновалось это время темной забывчивости или холодного равнодушия, представляет учреждение стипендии в память Грановского. Товарищи и ученики покойного собрали на учреждение этой стипендии 7010 р. сер<ебром>, и 27 августа проект устава стипендии удостоился высочайшего утверждения. Она учреждается при Московском университете и дается по выбору историко-филологического факультета молодому человеку, кончившему курс в одном из русских университетов и желающему держать экзамен на высшую ученую степень при Московском университете по историко-филологическому факультету, — действительному студенту, изъявившему желание держать экзамен на степень кандидата, кандидату, изъявившему желание держать экзамен на степень магистра, или магистру, изъявившему желание держать экзамен на степень доктора. Стипендия дается на два года. Так как позволяют дальнейшие пожертвования на усиление стипендии, то, когда сумма процентов с пожертвованного капитала будет превосходить 300 р., от факультета будет зависеть, назначить ли ее одному или разделить двум лицам.

Память Грановского почтена достойным образом. Теперь было бы время вспомнить о долге нашем к другим, о которых каждый из нас вспоминает с тем же чувством признательности, как о Грановском его многочисленные воспитанники. Пушкин, Белинский, Гоголь еще ждут того, чем справедливо почтен Грановский: публичного выражения памяти нашей о их заслугах делу русского развития.

< ИЗ № 12 «СОВРЕМЕННОГО» >

По обычаю, недавно возобновленному в нашей литературе¹, с приближением нового года основываются новые журналы. Из них один должен обратить на себя особенное внимание публики, должен быть встречен с особенным сочувствием, потому что без всякого сомнения составит важное приобретение для дела нашего просвещения. Читатель, конечно, угадывает, что мы говорим об «Атенее»². Предсказывать ему такую прекрасную роль мы имеем много оснований. Еще ни один из наших новых журналов при своем возникновении не определял так ясно и точно цели, для осуществления которой он появляется, и ни один не говорит так благородно и скромно о средствах, которыми располагает, о достоинствах, которые надеется иметь; с тем вместе редко когда средства бывали так обширны, редко когда цель избиралась так удачно. Уже одних этих качеств было бы достаточно, для пробуждения уверенности в том, что новый журнал будет отличаться высокими достоинствами. Для удовлетворения каким потребностям какого именно круга читателей будет служить журнал, —

это обыкновенно проявлялось для самой редакции вновь основываемого журнала только уже в продолжение издания, обыкновенно только вследствие случайного накопления статей известного рода и указаний со стороны читателей; мы помним, как иногда журнал, положим и прекрасный, бывал совершенно бесхарактерным при своем начале, и только благодаря появлению двух-трех сотрудников, которые почти без ведома, во всяком случае, без забот со стороны редактора оживили его издание, принимал определенный характер, склонялся к известному направлению, положим и прекрасному, но приданному извне, первоначально чуждому соображений редактора. «Атеней» будет не таков. Интересом своих стремлений он будет обязан не случаю, а сознательной заботливости своей редакции; из его программы уже видно, что с первого же номера он пойдет твердым, верным шагом по пути, зрело обдуманному.

Это важное достоинство, которым обладают очень немногие даже из журналов, успевших занять первые места в нашей литературе. Каждый видит, что «Атеней» будет иметь его в замечательной степени, но сам «Атеней» не выставляет его, — он очень умерен, — по мнению некоторых — слишком умерен в своих обещаниях, но это служит самым верным признаком замечательных достоинств, которыми будет отличаться он. Умеренность в обещаниях — лучшее ручательство внутренней силы, самоуважения и уважения к публике. В одном только случае извещение об издании «Атенея», чуждое всякого стремления к произведению внешнего эффекта, представляется и по наружности блистательным, — это в списке литераторов, сочувствие и содействие которых приобретено журналом. Бывали иногда представляемы списки сотрудников, гораздо более длинные, но едва ли когда редакция русского журнала имела при самом начале издания такое число таких замечательных людей соучастниками своих трудов, едва ли когда какая редакция имела такой избранный круг сподвижников. Легко набрать полтораста, если угодно триста имен, — иные так и делали, — но в этой многочисленной толпе из десяти имен девять всегда, бывало, возбуждали в читателе с самостоятельным мнением только недоумение, по какому счастью могут быть они полезными для достоинства журнала. В «Атенея» не то, — он насчитывает всего около тридцати имен, зато в этом ряду мы находим почти исключительно таких людей, как гг. Анненков, Бабст, Безобразов, Буслаев, Галахов, Ф. Дмитриев, Ешевский, Забелин, Кавелин, Каченовский, Кетчер, Е. Корш, Лонгинов, Н. Павлов, Соловьев, Тихонравов, Чичерин, Щедрин, — посредственность не найдет себе места в «Атенея»; каждый из его сотрудников хорошо известен как один из первых людей в нашей литературе; это общество замечательных писателей собралось вокруг г. Е. Корша, и действительно, г. Е. Корш мог быть умеренным в обещаниях, потому что без всяких обещаний читателю

очевидно, каких прекрасных достоинств надобно ожидать от «Атенея».

Все это чувствуется каждым прочитавшим извещение об основании «Атенея». Но люди, близкие к литературному миру, знают многое другое, еще более подтверждающее их уверенность в достоинствах нового журнала. Мы не думаем, что нарушим принятые обычаи, если выскажем здесь некоторые из этих фактов, до сих пор остававшихся неизвестными для большинства читателей, далеких от личного соприкосновения с деятелями литературы. Е. Ф. Корш пользуется в публике почетною известностью как бывший редактор «Московских ведомостей», которые при нем сделались лучшею из наших газет, несмотря на то, что средства, предоставленные ему для ведения этого издания, были незначительны в сравнении с средствами, которыми располагали другие газеты, — несмотря на то, что он должен был бороться со множеством затруднений, от которых избавлены были другие редакторы, стоявшие в положении, более независимом от посторонних вмешательств, препятствующих улучшениям. Но не одни «Московские ведомости» обязаны ему большею частью своего успеха. Литераторам хорошо известно, до какой степени его участие содействовало заслуженному успеху многих других периодических изданий. «Библиотека для чтения» в лучшие свои годы от него приобретала значительную часть своих истинных достоинств, между тем как недостатки ее вносились в нее против его воли и по возможности уменьшались его противодействием. «Современник» должен быть признателен к его высокополезному участию, и пользуется настоящим случаем, чтобы публично выразить ему свою благодарность. «Журнал министерства внутренних дел» был несколько лет веден им. Оставив эту должность для участия в «Русском вестнике», Е. Ф. Корш, в том нет сомнения, принес много пользы не только этому журналу, но и оживлению всей русской литературы в последние два года. Мы не считаем удобным излагать свое мнение о ходе дел, принадлежащих еще столь недавнему времени, но должны сказать, что Е. Ф. Корш, как один из соучастников редакции «Русского вестника», оказал русской литературе важные услуги, и усилия его в это время не будут забыты историею нашей журналистики. Словом, если для каждого читателя имя Е. Ф. Корша служит верным ручательством в достоинствах предпринимаемого им журнала, то у людей, обращающихся между писателями, эта уверенность еще гораздо сильнее, нежели в массе публики, не столько близко знакомой с подробностями литературных дел.

От личных качеств редактора обращаясь к характеру участия, принимаемого в его журнале тем избранным кругом сотрудников, о котором говорили мы выше, мы находим возможным указать читателям один очень важный факт. Известно, какими хлопотами со стороны редакции основывающегося журнала иногда приобретает сотрудничество писателей, которыми дорожат журналы, —

тут не бывает недостатка в просьбах, в убеждениях, иногда в заискиваниях. Ничего подобного не было при основании «Атенея»: каждый сотрудник только потому участвует в этом издании, что сам нашел честью или долгом для себя содействовать своими трудами редактору, которого уважает, и журналу, цели и направлению которого вполне сочувствует. «Атенией» принадлежит к небольшому числу тех журналов, основание которых было следствием не личных соображений одного издателя, а потребностью многих лучших людей в нашей литературе, горячо преданных новому органу их идей, предмету их глубоких симпатий. Нет надобности говорить, какая разница между сотрудничеством выпрошенным или навязанным и сотрудничеством, возникающим из живого сочувствия к общему делу. Надобно сказать только одно: именно самые известные и самые талантливые между сотрудниками «Атенея» с наибольшим жаром преданы ему. Мы не считаем себя в праве указывать их, чтобы не оскорбить скромности их и редактора, да это и не нужно: их угадает сам читатель. Пусть только он выберет из имен, перечисленных нами выше, те, которым наиболее сочувствует лучшая часть публики, и он без ошибки узнает самых деятельных и ревностных между сподвижниками Е. Ф. Корша.

В одно время с «Атением» основывается в Москве другое предприятие, также заслуживающее всех добрых желаний успеха и процветания, также имеющее несомненную вероятность успеха и процветания. В последних числах ноября открыт в Москве книжный магазин Н. М. Щепкина и Компл.

Кстати, о материальных отношениях нашей литературы. В ноябрьской книжке «Библиотеки для чтения» напечатана превосходная статья: «Несколько предложений по устройству русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного круга»³. Мы рекомендуем вниманию читателя эти мысли и желали бы, чтобы они скорее приведены были в исполнение. Автор, скрывший свое имя под буквою N., начинает скромным уверением, что его статья только представляет «результат и свод всего, что говорилось и говорится при нем по поводу дела, которое, как ему кажется, должно иметь самое благотворное влияние на судьбы русской литературы» и которое «в исходе прошлого и начале настоящего года было предметом многих рассуждений в литературных и нелитературных кругах»; что этою статьею он «только ставит вопрос пред глаза людей, более сведущих», и излагает лишь одни беглые и, так сказать, «черновые предположения об устройстве русского «Литературного фонда», доходы которого, под наблюдением небольшого числа лиц, особенно сочувствующих интересам родной словесности, распределялись бы между писателями, от болезни, старости и других подобных причин нуждающимися в постоянном или временном пособии». Мы должны прибавить, что автор был и

остаётся самым ревностным распространителем благородной идеи, развитию которой посвящена его статья.

«Литературный фонд» существует в Англии под управлением таких людей, как Диккенс, Теккерей, Маколей; он располагает очень значительными средствами и каждый год облегчает участь многих достойных ученых и литераторов, подвергшихся тяжелым случайностям судьбы. Автор предлагает способы устроить и у нас нечто подобное и делает приблизительную оценку доходов, на которые могло бы надеяться такое учреждение в России. Способы эти, кроме единовременных добровольных пожертвований, из которых составилась бы основной неприкосновенный капитал: добровольная уступка известной части доходов, доставляемых литературными предприятиями писателям и издателям, публичные чтения, издание сборников из статей, отдаваемых «Литературному фонду» для этой цели, и т. д. Характер всех этих пожертвований и услуг должен быть непременно вполне добровольный; пусть только общественное мнение и собственное сознание каждого писателя о его обязанности побуждают к этому содействию осуществлению доброй цели. Это так, иначе и быть не должно.

Но нет никакого сомнения в том, что если бы мысль основать литературный фонд была принята, почти не нашлось бы между писателями и журналистами людей, которые уклонились бы от добровольного участия в таком благородном деле, и мы думаем, что их собственное желание доставило бы «Литературному фонду» средства гораздо более значительные, нежели на какие рассчитывает автор, который хочет ограничиться самыми умереннейшими надеждами. Возьмем один только из указываемых им источников — нашу журналистику. Автор говорит, что издатели журналов и газет и писатели, участвующие в периодических изданиях, могут быть приглашены «Литературным фондом» только к таким пожертвованиям, которые были бы для них нисколько не обременительны, почти не чувствительны. Уступка «Литературному фонду» издателями по полупроценту с рубля подписной суммы, а писателями по одному проценту с гонорария кажется нам крайним пределом умеренности, кажется пожертвованием совершенно нечувствительным. Между тем, это одно уже доставит несколько тысяч рублей. Общий оборот сумм, пускаемых в оборот подпискою на литературные журналы и газеты (специальных периодических изданий мы не считаем), простирается во всяком случае не менее, как до 600 000 руб., — по всей вероятности, цифра эта значительно больше. Полупроцент с этого количества подписных денег даст 3000 руб. Из 600 000 руб., поступающих в конторы периодических изданий, около одной четвертой части получается писателями, как гонорарий за статьи — один процент с этих 150 000 руб. доставит 1500. Вот уже 4500 р. от одной отрасли литературы. Изданием отдельных книг пускается в оборот сумма, едва ли меньшая, нежели периодическими изданиями. Если

Только третья часть издателей и писателей будет участвовать в деле «Литературного фонда», по примеру издателей и сотрудников периодических изданий, вот еще 1500 руб., — всего 6000 руб. ежегодно от одного только из источников, указываемых автором статьи. Некоторые типографии, некоторые бумажные фабрики, вероятно, согласятся на уступку полупроцента из платы, получаемой от периодических изданий, — итог увеличивается; но не будем считать этого увеличения, потому что оно только предположение, для своего осуществления нуждающееся в особенных хлопотах со стороны издателей. Затем остаются еще публичные лекции и издания в пользу «Литературного фонда», — о последних не будем говорить, потому что они опять требуют особенных хлопот (зато, при надлежащем устройстве дела, этот источник может сделаться чрезвычайно обильным), — скажем только, что публичные чтения в одних только столицах должны приносить несравненно более, нежели надеется автор; можно поручиться, что едва ли кто из людей, способных привлечь публику своим чтением, откажется от этого дела, которое следует назвать скорее наслаждением для читающего, нежели пожертвованием, — по 2000 р. в Петербурге и в Москве за всю зиму — это слишком малая оценка суммы, которую должны принести публичные чтения. Вот набралось уже 10 000 руб. сер<ебром> в год, — на эти деньги можно действительно помочь многим людям. А мы еще не считали ни спектаклей, ни процентов с единовременных пожертвований, — не хотели принять в счет даже изданий «Литературного фонда», — от этих и многих других источников, которые отыщутся по указанию обстоятельств, средства «Литературного фонда» легко возвысятся далеко за пределы суммы, выставленной здесь. Словом сказать, если только учредится «Литературный фонд», он, без сомнения, будет иметь способы ежегодно помогать не одному десятку деятелей науки и литературы, и мысль о его учреждении, как видим, действительно стоит того, чтобы позаботиться об ее осуществлении. Неужели же и эта мысль, подобно стольким другим прекрасным мыслям, высказывавшимся в последнее время, вызовет только устные и печатные похвалы себе, а не вызовет дела? А между тем, осуществиться ей, повидимому, так легко. Стоит нескольким из людей, занимающих важнейшие места в нашей литературе, решиться на учреждение «Литературного фонда», и сила примера, поддерживаемого общественным мнением, привлечет всех к участию в этом учреждении. Укажем прямо на первый шаг, нужный для его исполнения: пусть редакции журналов выразят свою готовность участвовать в нем. Затем нужно будет только испросить разрешение правительства. Основание «Литературного фонда» имело бы своим добрым последствием не одно то дело, к исполнению которого он прямо назначается: автор статьи в «Библиотеке для чтения» прекрасно объясняет то благотворное влияние, которое «Литературный фонд» имел бы на сближение

между всеми органами и деятелями науки и литературы; мы желали бы, чтобы столь же справедливо было его мнение о том, что в настоящих отношениях между ними нет никаких препятствий к соединению для общего доброго дела. Но если и существуют какие-нибудь угловатости, нет сомнения, что они скоро сгладились бы, когда явилась бы возможность союзной деятельности, как это мы видим во всех литературах Европы, где даже различие в направлениях, не говоря уже о личных чувствах друг к другу, нимало не мешает соединению всех литераторов в одно целое, как скоро то нужно для достижения целей, полезных всей литературе.

«Английский литературный мир гордится своим фондом и имеет право им гордиться. Это учреждение, поощряемое правительством и всеми государственными людьми, кроме целей благотворительных и христианских, имеет еще одно великое значение. Оно служит центром единодушной деятельности для людей, разрозненных убеждениями и интересами, но служащих одному великому делу просвещения, при котором все несогласия забываются. Оно связует, и благородно связует всех передовых людей Англии, беспрерывно напоминает им о чем-то высшем всех мирских соображений. Под его влиянием виг сходится с торием, радикал подает руку президенту верхней палаты, государственный человек выслушивает мнение бедного чердачного поэта и вместе с ним обдумывает, как бы обеспечить участь другого поэта, еще беднейшего. Нередко, при недостатке средств, сильные члены комитета входят с представлением к министрам и дают места честным труженикам, нуждающимся в работе, нередко королева и члены ее фамилии, по ходатайству лиц, к ним приближенных, ассигнуют суммы на какое-нибудь полезное литературное предприятие, на пособие вдовам и семьям инвалидов науки. В заседаниях комитета о фонде, на лекциях и представлениях в его пользу все друзья просвещения сходятся в одну дружественную массу. Здесь Бульвер сидит подле своего гонителя и насмешника Теккерея, д'Израэли беседует с лордом Росселем, Карлейль сходится с Пальмерстоном, поэт Теннисон — с историком Маколеем. По несколько раз в год люди, совершенно отдельные друг от друга, радушно соединяются на одну христианскую цель, и короткие эти сближения живут в памяти у каждого до новой сходимки, до новых совещаний по поводу общего дела.

«Давно уже сказано: перенимать все хорошее не стыдно даже у самого неприятеля. Мысль об учреждении «Литературного фонда» взята у англичан, но не следует думать, чтобы люди, ныне занимающиеся этой мыслью у нас в России, имели намерение слепо подражать англичанам. Различия между нашим и английским обществом обуславливают собою необходимые различия в самом учреждении. С одной стороны, наше общество не так богато и не так тесно слито с литературными интересами, чтобы от него можно было требовать слишком больших пожертвований на нуждающихся писателей; с другой, наш учено-литературно-артистический круг менее нуждается в материальных пособиях, нежели тот же круг в Англии. У нас, благодарение богу, почти нет литературных пролетариев, даровитых людей, умирающих с голоду, сильных талантов, кончающих жизнь, как Отвай или Севедж, от нужды и общей холодности. Огромная часть наших ученых и писателей обеспечена и пособиями правительства, и службой, и платой за труд, почти ежегодно возвышающейся, и собственным своим достатком. В Англии журналисты и издатели книг ухаживают лишь за первоклассными деятелями науки и словесности; у нас всякий писатель, едва перевысивший уровень посредственности, надолго может считать свой талант хорошим капиталом. В Лондоне сотрудник издания, и сотрудник самый полезный, боится отлучиться из столицы, чтоб редакция не заменила его другим

сотрудником, еще более талантливым; у нас, как еще недавно сказал кто-то, периодических изданий более, чем сотрудников. После всего, сейчас сказанного, легко понять, что «Литературный фонд» в России для своего учреждения не требует ни тех пожертвований, ни тех усилий, с каким сопряжено его существование в Англии. Для пособия небольшому числу лиц учено-литературного круга, нуждающихся в поддержке и помощи, нам не нужны ни огромные капиталы, ни многочисленные комитеты для надзора за капиталом и распределения пособий. Мы можем обойтись без театральных представлений и митингов в раззолоченных залах, без всей клубной роскоши при собрании членов комитета, без обременительной переписки, без постоянного изыскания средств к новым доходам фонда. Нам не для чего набиваться к капиталистам, делать парадные обеды для всех участников предприятия, говорить речи на этих обедах и так далее. Русский «Литературный фонд» может быть основан в самых скромных размерах, пятью или десятью человеками достаточного состояния, с постоянным пособием всех ученых и литераторов, ныне проживающих в России. Из числа главных вкладчиков и писателей, особенно сочувствующих делу, должны быть выбраны шесть или восемь человек, распорядителей фонда, которые собирались бы два или три раза в год для проверки сумм, распределения пособий и изыскания новых источников дохода. Для их совещаний не требуется никакой торжественности — торжественностью не прельстишь русского человека; да и распорядители, о которых говорится, не имеют надобности прельщать кого бы то ни было. Ни народных сходов, ни величавых речей во всем деле не требуется, тем более не требуется, что пособия из доходов фонда должны производиться, по русскому обычаю, тихо и дружелюбно, без обидного высокомерия, без формальностей, так тягостных для человека, нуждающегося в помощи. Чем более такие пособия будут иметь характер простой и, так сказать, товарищеский, тем благоприятнее окажется их значение, тем менее хлопот потребуют они для их выполнения.

«Для осуществления идеи о «Литературном фонде» и пособиях, из него проистекающих, мы не имеем препятствия ни в духе партий, ни в раздвинении между людьми, сочувствующими делу просвещения. В России нет ни выгов, ни ториев, между русскими литераторами не существует никаких преград к дружному действию на общую пользу: мало того, огромная и самая даровитая их часть тесно связана между собою и годами труда, и одинаковым стремлением к доброй цели. Есть у нас круги, особенно тесно слившиеся вследствие однородных взглядов, жизни в одном городе, общего труда в одном и том же издании; но эти круги в сущности нисколько не враждебны другим кругам литературного русского мира. Лучшее доказательство всего, нами сейчас сказанного, находим мы хотя бы в русской журналистике, которая в настоящее время сосредоточивает в себе всю литературу. Все главные органы нашей журналистики ведутся с одинаковым чувством достоинства, все чужды духа исключительности или дерзкой нетерпимости, и это чувство приличия так сильно с некоторого времени, что малейшее от него отклонение, малейшая журнальная побранка, поднятая из корыстных целей, всюду встречается с негодованием, мало того, с презрением. В мелких или отсталых изданиях иногда встречается противное, но какой авторитет, какой кредит имеют в нашей литературе издания подобного рода? Мало того, дух дружелюбия и согласия — так необходимый русским просвещенным людям — начинает проникать в круги самых незначительных тружеников, сказывается во всем направлении их деятельности, во всей сущности их взглядов. Повторяем еще раз, русская современная литература находится в самом счастливом положении относительно того предприятия, о котором мы теперь беседуем с читателем».

Дай бог, чтобы это было так. Но во всяком случае мелкие личные несогласия должны быть отброшены в сторону, когда представляется возможность соединиться для дела, которое при-

несет пользу не одним нуждающимся литераторам, но и может возвысить положение всей литературы, выказав ее деятелей с безукоризненно благородной стороны перед глазами многочисленных хулителей литературы и всех ее подвижников, дав этим столь много оскорбляемым людям хотя какую-нибудь опору для дружного противодействия нападениям, равно вредящим каждому из нас. Напрасно мы стали бы успокаивать себя надеждою, что в самом деле все думают о русских литераторах так, как справедливо думает о них автор статьи, из которой мы делаем выписки, — доказывая, что комитет, который бы распоряжался суммами «Литературного фонда», легко составить из людей, заслуживающих полного доверия, он говорит:

«В свете самом изящном мы беспрестанно видим людей, о нравственности которых никто не может сделать верного заключения: так неясна репутация этих людей. так изобилуют противоречиями самые беспристрастные о них отзывы. И в больших городах, и в отдаленных уездах России мы без удивления видим хороших людей, сжившихся и ужившихся с людьми нравственно безобразными, видим благородные личности, против которых идет общий отзыв, и особ порочного свойства, пользующихся ото всех непритворным уважением. В кругах, составляющих настоящее литературное общество Петербурга и Москвы, не встретим мы ничего подобного. По гласности, которая неразлучна с положением известного писателя, по участию, которое принимают в его личности люди проницательного ума и тонкого развития, этот писатель постоянно подвергается общему суду своего круга, и укрыться от такого суда он не в состоянии. Он поневоле напоминает римлянина, желавшего жить в стеклянном доме, с той только разницей, что он, может быть, и не желает, но *обязан* жить в таком доме, благодаря своей известности. Жизнь подобного рода не всегда легка, и многие люди ее не выдерживают, но зато писатель, ее выдержавший с честью, выдержит какой угодно суд, какое угодно искушение. Круг его товарищей может менять свое мнение о литературном его значении; но мнение, составленное о нем как о человеке, не изменится до той поры, пока он сам не даст к тому повода. Общий суд наших лучших учено-артистических кругов (мы не говорим о кругах подземных и всеми признаваемых такими) строг, взыскателен, но справедлив как нельзя более. Все действия лица, ему подлежащего, действия самые сокровенные, давно известны, обсуждены и сведены к одному знаменателю. Кого этот суд признал дурным человеком, тот в самом деле человек нехороший; кого он признал шатким и ненадежным, тот ненадежен в самом деле. хотя бы десятки светских кругов приходили в восторг от его достоинств. Кого признал он за честного и правдивого человека, тот уж не обманет ничьей доверенности и всегда будет истинным рыцарем во всех делах своей жизни. Таких-то людей великой честности и должен держаться распорядительный комитет «Литературного фонда». их советом и содействием должны дорожить учредители предприятия. Без всякого преувеличения мы можем сказать, что подобных лиц нетрудно отыскать в литературном круге обеих столиц, стоит только прислушаться к общему суду литераторов и затем ввериться ему с полной готовностью».

Доверием должны пользоваться писатели, которых уважает публика, имеющая полную возможность хорошо знать, каковы мысли и правила этих людей, — что может быть очевиднее этой простой истины, а между тем, как часто встречаешь людей, никак не желающих допустить, что писатели имеют право на доверие. если внушают его тысячам и десяткам тысяч образованнейших

и проницательнейших людей. И сколько хорошего было бы сделано очень легко, сколько зла было бы предотвращено, если бы эта истина не отвергалась по такому странному предубеждению. Но есть люди, которые готовы доверять кому угодно, только не человеку, заслужившему уважение и доверие всех порядочных людей в своем отечестве. Удивительно сложились понятия некоторых людей; они воображают в своем простодушии, что если земля до сих пор еще не перевернулась вверх дном, так единственно благодаря тому, что они не верят в писателя ни прямодушию, ни желанию добра, ни знанию средств к достижению добра. Бедные, они вечно воображают себя в страшной опасности; они думают, что мысль, просвещение непременно должны быть враждебны им! Впрочем, нельзя и претендовать на них за такую странную ошибку: человек натурально предполагает, что тот, кого он не любит, кому старается вредить, и сам платит ему за вражду враждою. Бедные, где ж им, при их неразвитости, понять, что просвещение стремится к целям гораздо высшим, нежели вопросы о личностях; что оно стремится принести добро равно и врагам, как друзьям своим, что писатель говорит о злоупотреблениях только для того, чтобы предостеречь от вреда, приносимого злоупотреблениями не тому одному, кто терпит от них, но еще больше тому, кто их делает или терпит, по слабости или незнанию. Взятчники умнее этих людей и лучше их понимают в чем дело. Они не думают, что, например, г. Щедрин хочет их личной гибели, хочет, чтобы они, как люди, потерпели какой-нибудь вред; они знают, что когда исчезнут злоупотребления, то не только людям, с которых прежде брались взятки, но и им, бывшим взяточникам, лучше, привольнее и спокойнее будет жить на свете, нежели ныне, когда они берут взятки. Да, класс людей, обвиняемый во взяточничестве, знает, что его собственная выгода, как выгода всех других классов общества, требовала бы уничтожения возможности или надобности брать взятки; зачем же оскорбляются и тревожатся его рассказами люди, о которых даже и не упоминает он, которых он не касается не только словом, даже мыслью? Причина, как мы сказали, в невежестве этих людей, в незнании того, что известно даже подъячему старых времен: они так мало развиты, что не в состоянии отличить речи о деле от речи о личности, не в состоянии понять, что есть разница между злоупотреблением и порядком, что при уничтожении злоупотребления люди могут оставаться неприкосновенны, — они никак не могут понять, что можно желать чего-нибудь хорошего, не желая вреда лично им. Жалкие люди! Жалкие потому, что напрасно мучат себя страхами, ровно ни на чем неоснованными, кроме их собственного незнания; жалкие потому, что выбиваются из сил, стараясь спастись от опасностей, которые существуют только в их ребячески пугливом воображении. Скажите, какое чувство возбуждается видом человека, который принимает медика за отравителя, при-

нимает людей, желающих ему здоровья, заботящихся о его счастье, за врагов, жаждущих его гибели, который в своем семействе робко наблюдает за каждым жестом, ежеминутно ожидая какого-то предательского удара, который в каждой чашке чаю боится выпить яд, — в такую странную галлюцинацию впадают некоторые при слове «литература». Галлюцинация — вот истинное определение противоестественного настроения их духа. Жалкие люди! — быть может, они вредят другим, но еще более вредят они самим себе.

Впрочем, и то сказать, как не приходиться многим в нечто подобное гидрофобии при слове «литература», когда есть люди, которых приводит в подобный трепет даже слово «грамотность»? В этой книжке «Современника» читатель видел статью г. Карновича против мнений, впасть в которые имел несчастье г. Даль⁴. Грустно думать, что человек, умеющий говорить на наречии чуть ли не каждого уезда Русской империи, как истый туземец, собравший от народа чуть ли не 40 000 пословиц, так мало знает нужды нашего народа. Но утешительно, по крайней мере, то единодушие, с которым десятки голосов раздались против его опасного заблуждения. Как новое свидетельство неудовольствия, возбужденного во всех благомыслящих людях мнениями г. Даля об этом предмете, мы помещаем здесь небольшое письмо, полученное нами на-днях. Статья г. Карновича не нуждается в дополнениях, да это письмо и не может назваться дополнением к ней, — оно даже и написано вовсе не для печати, — оно просто прислано к приятелю от приятеля, возмущенного чтением статейки г. Даля, и тот, к кому оно было адресовано, переслал его нам с своею заметкою, вызванною тем же чувством. Оно кажется нам интересно, как одно из бесчисленных доказательств, что не в одной печати ведутся жаркие толки о вопросах, занимающих собою литераторов.

Письмо к г. А. С. З.⁵ по поводу «Заметки о грамотности» г. Даля, напечатанной в 245 № «С.-Петербургских ведомостей».

«Рассуждать о пользе грамотности вообще и о том, пора ли заботиться о распространении ее между нашими крестьянами, я считаю излишним: то и другое в настоящее время осязательно для каждого. Не стану также говорить о несвоевременности появления статей против грамотности — мраколюбцев у нас еще много. Но долгом считаю выразить мое удивление, что подобные статьи появляются с подписью г. Даля, и притом, как видно из собственных слов его, вследствие искреннего убеждения. Последнее обстоятельство невольно, без всякого желания оскорбить г. Даля, возбуждает вопрос: с которого времени и под какими влияниями могли развиться у него такие убеждения? Факты, приводимые им, слишком шатки и ничтожны: они не только не могут служить основанием убеждений, но даже сами собой опровергаются. Не пишут у нас ничего, доступного крестьянским понятиям, не потому, что нечего писать, а потому, что некому читать. Не предметы потребления возбуждают потребности, а потребности рожают предметы потребления. Истина эта так стара, что было бы странно предполагать незнание ее в таком писателе, как г. Даль, и гораздо естественнее, что он почему-то не хочет знать ее. Лишать же средства к просвещению умственному и

нравственному, которое решительно невозможно без грамотности (так как примеры никогда и никого не научили и способны только к развращению), потому только, что средством этим могут злоупотреблять, было бы просто безрассудно: после этого можно будет, пожалуй, сказать, что нам рано еще иметь и законы, — ведь злоупотребляют же ими подьячие!.. Наконец и последний, самый неопровержимый, по мнению г. Даля, факт, что в течение десяти лет из 500 крестьян, выучившихся грамоте в девяти сельских школах, «находящихся у него под рукою», 200 человек сделались известными негодяями, также ничего не доказывает: г. Даль не пояснил нам, действительно ли грамотность была причиною их развращения и не кроется ли причина развращения их в неудовлетворительном устройстве школ или в дурном надзоре за обучающимися? Не мешало бы г. Далю поглубже вникнуть в этот вопрос и объяснить публике приводимый им факт.

«Г. Карнович в своей статье: «Нужно ли распространять грамотность в русском народе», так ясно доказал г. Далю (иные и нуждались в этих доказательствах) необходимость грамоты для крестьян, что всякие разглагольствования о неуместности ее становятся решительно невозможными; упорство же г. Даля невольно заставляет вспомнить слова покойного Гоголя: «Иной и почтенный, и государственный человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубит что себе в голову, то уж ничем его не перешибешь, сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены».

А. Сапожников,

Г. Хомя, 1857 г., ноября 20 дня».

Замечание, сделанное на этом письме лицом, к которому оно адресовано:

«Едва ли кто-либо из русских грамотных людей злоупотреблял грамотностию более того, чем злоупотребил ею г. Даль (выученный грамоте, как он сам говорит, к сожалению (!)) в печатных своих возгласах против грамотности. Но и такое образцовое злоупотребление грамотностию все-таки, вопреки мнению г. Даля, безвредно, потому что нелепость диких убеждений г. Даля очевидна для всякого.

А. С. З.»

Вот в таких-то и тому подобных рассуждениях о предметах, вызывающих на размышление, прошел для публики и для литературы год, с которым теперь прощаемся. Превосходно прошел этот год! Говорено было много о многих важных делах: об административных и судебных злоупотреблениях, о гласности, о тарифе, о различных других экономических преобразованиях и т. д. Публика восхищалась собою за то, что ее интересуют такие серьезные вопросы; она чуть ли не готова была сама себе присудить римский дубовый венок, *coronam civilem*, в награду такой доблести, — и как в самом деле не присудить было ей дубового венка своей доблести? — ведь она толковала и читала с неугомонностью, превышающею всякие похвалы, радовалась прочитанному с восторгом, превышающим всякую меру. Участь литературы и писателей была не менее прекрасна: если уже публика, эта взыскательная публика, была довольна литературою, как же было литературе не чувствовать довольства своими подвигами? Сладко было жить писателю: будь он только хотя мало-мальски порядочным, постоянно он слышал разговор о себе, и разговор вечно ободрительный и одобрительный; даже и без этого условия

часто ему случалось испытывать такое наслаждение: из людей, что-нибудь писавших в прошлом году, ни один, кроме разве г. Бланка, не остался без лестного поощрения; да и сам г. Бланк, вероятно, слышал от кого-нибудь похвалы себе.

Да, завидно положение русской литературы, завидна судьба писателя: целый год быть предметом общего внимания и общих похвал и иметь в перспективе продолжение такого наслаждения и в наступающем году. Так; но полного, невозмутимого блаженства нет на земле, и среди умственных и нравственных удовольствий, которыми наслаждалась публика, литература и писатели, приходилось им испытывать и некоторые огорчения, — правда, мимолетные, — правда, ничтожные, но все-таки огорчения. Источником этих огорчений были мнения некоторых ипохондриков, — правда, очень малочисленных, — правда, совершенно заблуждавшихся, но все-таки на минуту смущавших иногда общее удовольствие. По своему болезненному настроению духа, не разделяя общего оптимизма, они отваживались выражать недовольство и публикою, и литературою, и — о, ужас! — осмеливались говорить, будто бы публика, восхищаясь подвигами литературы, находится в странном ослеплении.

Почему же? В ответе на это ипохондрики разделялись на две противоположные партии.

Одни говорили, что литература заходит слишком далеко, забывает о скромности и смирности, которыми украшается все на свете; что она должна говорить только о вещах, не имеющих никакого соотношения с современною жизнью, а толковать о злоупотреблениях и улучшениях вовсе не дело литературы. Другие говорили, что она говорит об этих вещах все еще слишком мало, слишком неопределительно, и, по-настоящему, только кажется, будто она говорит что-нибудь полезное, а на самом деле вовсе не говорит ничего истинно полезного.

Благоразумный читатель, конечно, видит совершенную неосновательность того и другого упрека уже из того, что один прямо противоречит другому; когда немногие говорят: «слишком светло горит лампа»; немногие другие: «слишком тускло горит лампа» — очевидно, что те и другие ошибаются и что справедливо огромное большинство, находящее, что лампа светит именно в надлежащую меру. Так, публика совершенно права, восхищаясь светом, проливающимся от нашей литературы на общество. Но в одном она, кажется нам, несколько несправедлива: она слишком уже беспощадно карает ипохондриков, не разделяющих ее довольства; они, как люди больные, заслуживали бы, нам кажется, некоторого снисхождения; скажем более: не отворачиваться надобно от больных, а стараться излечить их болезнь; заблуждающихся не надобно осыпать горькими упреками, а должно постараться рассеять их заблуждения; для этого надобно спокойно выслушать их, показать им, какие стороны предмета они упускают из виду,

объяснить им, какие ошибки вкрались в их силлогизмы. Попробуем сделать это. Сначала хладнокровно выслушаем и потом опровергнем людей, думающих, что литература берется не за свое дело, когда, вместо отвлеченностей или фантазий, занимается современными вопросами; покончив дело с ними, таким же образом переговорим и с людьми, думающими, что до сих пор она слишком недостаточно занималась этими вопросами.

«Напрасно литература обольщается мечтами, будто может она преобразовать нравы, говорят ипохондрики, недовольные литературою за то, что она, по их мнению, слишком много говорит об общественных интересах. Это вне ее власти. Нравы изменяются вследствие изменения обстоятельств национальной жизни. Изменения эти производятся влиянием исторических событий, преобразующих отношения классов, условия труда, гражданские учреждения нации. Посмотрите на историю, — когда преобразования общественного быта совершались силою литературы? — никогда, никогда; ни одного такого примера нет в жизни. Испанцы завоевали Америку, у испанцев введена инквизиция, испанцы лишились своих прежних судебных и правительственных учреждений, — вот исторические события, — они-то сделали испанцев такими, какими теперь мы их видим; но укажите, сдвинулась ли хоть соломинка в общественном здании испанского быта от того, что Сервантес написал «Дон-Кихота»? Ирландцы стали страшны англичанам, когда избыток угнетения и страданий довел их до отчаянного соединения в одну фалангу под предводительством Даниэля о'Коннеля, [— и англичане дали им политические права, уничтожив закон, не допускавший католиков к участию в парламенте и государственном управлении; историческое событие, о'Коннель] и его «рипиль», угроза отторгнуться от Англии, сделали свое дело. Но скажите, какую пользу принесло ирландцам то, что Мильтон писал столь красноречиво в защиту религиозной терпимости и что полтора-два года англичане учили наизусть его творения? Мильтона они читали и превозносили, а ирландцам все-таки не было оттого ни на волос легче. Ждите событий, пользуйтесь событиями, если хотите улучшений в быте и нравах, — а литература этого дела не совершит вам. Изменение быта и нравов! Да стоит ли и говорить о бессилии литературы над этими делами, когда она не может даже управлять мнением общества. Все порядочные писатели во Франции уже около ста лет твердят французам: уважайте англичан; не считайте их своими врагами, они лучшие союзники вам во всем добром и полезном; и что же? — все-таки французы не любят англичан, воображают, что англичане хотят вредить им, сами желают им всяких бед; да, так сильно это нелепое чувство вражды, что когда, например, Бастиа хлопотал о понижении французского тарифа, он всего больше остерегался показаться другом англичан: это, он знал, погубило бы его дело; а когда в нынешнем году дела англи-

чан в Ост-Индии казались плохи⁶, «Journal des Débats» должен был скрыть свою симпатию к англичанам и принужден был говорить, что они кругом виноваты по ост-индскому возмущению, — это было ему необходимо, иначе он лишился бы своих читателей. Вот вам и степень влияния литературы на мнения нации: сто лет самого сильного и дельного старания сблизить французов с англичанами, — а в результате все-таки продолжение нелепой вражды против англичан во французах. Общественное мнение даже и то, как видите, почти не зависит от литературы, — куда же ей тянуться в преобразовательницы национального быта? Она бессильна даже над мыслью, которая составляет только один из многих деятелей жизни, между которыми есть много сильнейших, нежели мысль; куда же литературе претендовать на власть над жизнью?»

Огорчительны эти слова, но признаемся, мы не умеем найти фактов, которыми опровергалось бы это воззрение. История и наблюдение современной национальной жизни действительно подтверждает грустные мысли ипохондриков о бессилии литературы над жизнью. Если бы ипохондрики поступали сообразно этим понятиям, которые они же сами проповедают, против них ничего дельного нельзя было бы сказать. Но, на беду литературы в практике и на счастье защитников ее важности в бумажном споре, слова этих теоретиков о бессилии литературы повторяются практиками, не знающими ни истории, ни жизни; и эти практики, по своему незнанию, опровергают теорию, которая без того была бы неопровержима. Литература бессильна и ничтожна, положим. Что же из того логически следует? — то, что не стоит обращать внимания на нее; пусть она себе суетится и хлопочет сколько ей угодно и о чем ей угодно, — бояться тут нечего: ведь она бессильна. Но нет, этого никак не могут на деле выдержать практики, о которых идет речь: чуть литература слово скажет не совсем по их желанию, тотчас они поднимают крики, что она и их, практиков, и все на свете погубит; а если могут, то поднимают они и суматоху, будто спасаются от смерти, и резкими, необдуманными движениями, какие внушаются только слепым ужасом, начинают колотить все, или, вернее сказать, колотиться обо все, что попадаетея им на глаза и под руки, — свет погибни, лишь бы только избавиться от такой страшной опасности: *pereat mundus, taceat** литература. Света, положим, они не погубят, — это не в человеческой власти, — и литературу молчать не заставят, — этого тоже не в состоянии сделать человеческая воля, потому что литература движется историческими событиями, от их влияния то возвышает, то понижает голос, а не от произвола нескольких людей, — но руки себе часто они обколачивают до сильного лома в костях, так что и жалко и отвратительно смотреть на них;

* Пусть погибнет мир, лишь бы молчала. — Ред.

жалко потому, что бьются люди совершенно понапрасну; отвратительно потому, что безобразны их движения.

Что ж тут толковать о бессилии литературы, когда она возбуждает такие страхи? Что сделалось с гордой теориею о ее ничтожестве? А что сделалось с этою теориею, можем узнать, вслушавшись в крики, вырывающиеся у бедных испуганных практиков в порывах чувствуемого ими смертельного беспокойства: в порывах страсти высказываются задушевные мысли человека. «Литература бессильна, — да, она бессильна на добро, но зла она может много сделать; улучшений быта она не произведет, но может возбудить беспорядочные и безрассудные стремления к переменам; добрых убеждений она не распространит, но подорвать уважение к порядку и нравственности она может», — так вопиют практики, размахивая руками направо и налево. А, вот как уже перевернулась теория: литература, значит, не бессильная игра в слова; нет, вам она представляется чем-то вроде чумы, холеры. Но если так, почему же вы не действуете сообразно такому мнению? Дурное и вредное надобно истреблять; объявите же прямо, что надобно стараться об истреблении литературы. Приятно было бы услышать такое прямодушное сознание; приятно, во-первых, потому, что всегда отрадно видеть человека излагающим свои мнения с благородною откровенностью; во-вторых, потому, что мы тогда знали бы по крайней мере, что надобно делать для угождения вам. Но нет, никто не отваживается сказать, что желает уничтожения литературы, — ее каждый объявляет предметом своего уважения, любви, заботливости; практики говорят только, что желают уничтожить злоупотребления литературы, а самую литературу желают видеть процветающею. Тут нет здравого смысла: кто же говорит, что он уважает и любит чуму или холеру и желает им процветания, а восстает только против злоупотреблений холеры и чумы? Притом же и самый способ уничтожения этих будто бы злоупотреблений избирается вовсе нелогический: литературою недовольны за то, что слышат от нее неприятности себе; что нужно сделать, когда слышишь от человека неприятное? Надобно постараться задобрить, смягчить человека, внушить ему расположение к себе; а если я в ответ на сказанное им неприятное для меня слово вздумаю его бранить и преследовать, достигну ли я своей цели? Напротив, чем больше я буду восставать против него, чем больше успею наделать ему бед, тем больше восстанавливаю его против себя и вместо случайно попавшегося в его речь неприятного слова доведу его до постоянного ожесточения против меня. Я наживу себе врага, и только. Тут не должно быть середины: или старайтесь приобрести дружбу, или прямо поражайте насмерть; всякими средними мерами только увеличатся ваши неприятности. В ответ на это практики опять говорят уже не то, что слышали мы от них прежде.

«Но кто же хочет восстанавливать против себя литературу? — говорят практики. — Мы очень хорошо знаем выгоду, доставляемую союзом с нею; именно того мы и хотим достичь, чтобы она была в союзе с нами». Вот как! они, вероятно, думают, что имеют в виду полезные цели (кто же не думает о себе как о человеке благонамеренном?) и, однако же, находят, что союз с литературою был бы для них полезен, — значит, литература уже признается не бессильною на добро. Как это приятно для литературы, но с тем вместе, как это далеко от гордых теорий о ничтожности литературы, которыми они начали! Итак, союз с литературою. Но и тут практики никак не могут сообразить своих действий с своими же собственными желаниями. Чтобы союзник мог быть полезен, надобно предоставлять ему его независимость, — без этого условия союз не только не приведет ни к чему хорошему, он просто невозможен. Когда один из союзников хочет отнять у другого независимость, это будет уже не союз, а покорение, завоевание, — покорение совершается не иначе, как войною, одна из воюющих сторон покоряется другой не иначе, как только будучи доведена до совершенного истощения сил, — какую же пользу может потом принести ее содействие, если она совершенно обессилена? Она будет только в тягость победителю. Да и возможна ли победа, когда человек, заговоривший тоном вражды и совершенного презрения, кончает уверением в том, что он желает союза, — не высказывается ли в этом уверении его сознание о невозможности дойти враждою до желанного им результата?

Читатель видит, что практики, недовольные литературою за то, будто бы она берет на себя слишком много, не заслуживают гнева: они просто достойны сожаления как люди, которые сами не знают, что говорят и делают, которых поступки противоречат их собственным желаниям: им следует привести в порядок свои мысли; их следует убеждать в том, чтобы они более заботились о здоровом понимании вещей, — это принесет им большую пользу, не только по отношению к их действиям, касающимся литературы, но и по всем другим отношениям. Им недостает логики; мыслительные способности их мало развиты, — в том вся беда; им нужно побольше учиться и побольше думать. Добрая воля и сила есть у них; невежество — вот корень всех их ошибок. Ах, если бы они были хотя сколько-нибудь образованными людьми! Тогда они видели бы, что нужно им держаться одного чего-нибудь: или считать литературу бессильной, бесполезной и безвредной, — и предоставить ей жить и быть, как ей угодно; или считать ее вредной, — и заботиться об ее уничтожении; или считать ее полезною и предоставить ей независимость, потому что только независимость дает ей и охоту и силу быть полезною их союзницею. Но все эти три несовместные понятия странным образом совместились в их голове, и они сами не знают, как им быть, что им делать, — и они не замечают губительного противоречия в своих мыслях и

действиях, потому что недостаточно образованы для того, чтобы могли мыслить логически, недостаточно понимают сами, что делают, для того, чтобы могли поступать благоразумно и сообразно своим собственным целям. Читатель, вы, быть может, отворачивались от этих людей с негодованием, как от людей злонамеренных, — о, нет, они желают добра, как и вы, они только не знают, в чем добро и как достичь его; потому, когда вам встречается в жизни такой человек, старайтесь просветить и вразумить его: не гнева, а сострадания и пособия он достоин. Самое недовольство его литературою так наивно, что своею ребяческою неадекватностью невольно смягчает ваше сердце.

Совсем иное дело недовольство нашею литературою в ипохондриках, осуждающих ее за то, что она делает слишком мало. Это люди, чуть ли не в самом деле злые. Почему и на что они злы, хорошенько не разберешь. Но с первого взгляда на них, с первого слова их, приходит вам подозрение, что они злы. Практики, с которыми мы рассуждали прежде, почти все люди, живущие в комфорте, пользующиеся или хорошим здоровьем, или изящными недугами, как-то: подагрой, гастритом; ипохондрики, с которыми мы теперь начинаем рассуждать, люди большею частью худощавые, с желчным или по крайней мере геморроидальным цветом лица; хорошим здоровьем ни один из них не пользуется, не пользуется даже подагрой или гастритом — куда им до таких комфортабельных страданий! У них преобладают болезни, болезни сердца, груди и головы. Звук их голоса отзывается чем-то ядовитым; они, не имея права никому говорить назидательно-уверительным тоном, составляющим привилегию практиков, стараются вознаградить себя за то язвительностью; ипохондрику такого рода высшее наслаждение в жизни — уколоть того, с кем говорит, и осыпать насмешками того и то, о ком и о чем говорит.

«Вы радуетесь на вашу литературу, — говорит такой человек: — будто бы она в самом деле занимается чем-нибудь полезным — желаю вам радоваться. И как, в самом деле, не восхищаться: удивительно, насколько вперед подвинула она наш быт, сколькими улучшениями мы ей обязаны. Составилась компания и взяла на откуп постройку железных дорог, — вы, господа русские журналисты, публицисты и писатели, немедленно принялись доказывать пользу железных дорог, их необходимость для России, как это своевременно, как это полезно! Сделано дело, вы тотчас же принимаетесь доказывать, что его нужно было сделать. Составлен пониженный тариф, вы тотчас неумоимо начинаете доказывать, что низкий тариф лучше высокого; вы статью за статью разбираете новый тариф и объясняете совершенно справедливо, что каждая статья его назначает пошлину на товар именно в таком размере, который необходим для выгод нашей промышленности. Превосходно, слова нет, но позвольте вас спросить, не запоздали ли ваши превосходные речи? Когда дело

сделано, не поздно ли доказывать его надобность? Ведь она гораздо яснее, нежели словами, доказана уже тем самым, что оно сделано. Я не вижу в вашей литературе ни малейшего сходства с Эгериею, мудрые советы которой принесли столько пользы Риму; она скорее похожа на нимфу Эхо, о которой я не слыхивал, чтобы ей приписывалась какая-нибудь польза: мифологи говорят, что она занимается повторением чужих слов для развлечения себя от скуки. По совести говоря, признайтесь, что вы занимаетесь повторением задов для развлечения от собственной скуки и для развлечения скуки читателей, и только. Вы удивительно точно и ясно объясняете то, что давно признано полезным и что уже исполнено; вы, как говорят французы, отлично отворяете уже отворенную дверь, или, говоря по-русски, толчете воду. Не то с вопросами, которые в самом деле требуют объяснения; — вы или совершенно умалчиваете о них, или говорите в таких общих фразах, из которых совершенно нельзя понять, каким же образом сделать это дело, если оно признано полезным, или почему полезно это дело, которого польза еще не всеми признана. Возьмем хотя бы вопрос о взяточничестве. Никто не защищает взяточничества, все признают его обычаем дурным и вредным, — и вы, по своему похвальному правилу, обрадовавшись тому, что все об этом говорят, заговорили то же самое, что и без вас все говорили, — именно, начали утверждать, что взяточничество — дурной и вредный обычай. Друзья мои, в этих ли рассуждениях надобность? Нужно было бы показать средства, как нам избавиться от взяточничества, — вот это не для всех ясно, вот об этом стоит говорить литературе. Сказала ли она хотя слово об этом? Сказала, с гордостью возражаете вы: она указала на гласность как на средство против взяточничества. О, горькая необходимость разрушать мечты юности! Да разве с этим словом соединено какое-нибудь ясное понятие в ваших указаниях? Мало ли что называется гласностью? — и повести, которых так много напечатано в ваших журналах, по вашему гласность; и та статейка в какой-то газете, где некто, очень почтенный человек, с пафосом и торжественностью берется за оружие гласности, чтобы изобличить буфетчика, подавшего ему дурно приготовленную котлетку в каком-то трактире, — и тонкий намек о том, что неизвестно когда и неизвестно где, неизвестно кто, неизвестно с кем, поступил не то несправедливо, не то неучтиво, а что-то и где-то было не совсем понравившееся вам. Это гласность! Друзья мои, вы, сколько мне кажется, принимаете муху за слона. Да, я и забыл: вы еще с восторгом и гордостью намекнули, что взяточничество происходит от произвола, — но какой это произвол, чей это произвол, осталось неизвестно; еще менее известно, существуют ли какие-нибудь средства против этого таинственного произвола. Да, опять чуть было не забыл: средство против него вами указано, — та же самая гласность, то есть объявление в фельетонной

статейке о котлетке, дурно приготовленной. По правде говоря, читая эти превращения мухи в слона, думаешь, что едва ли не лучше было бы вовсе не писать об этом, — тогда по крайней мере не было бы профанировано великое имя гласности. Какую пользу можно извлечь из ваших смутных рассуждений, искажающих до микроскопического размера все, чего касается ваша речь? Одно тут может быть влияние: мельчают понятия, мельчают и желания и надежды тех, кто вздумает искать в ваших рассуждениях ответа на занимающие его вопросы. А ведь вопрос о взяточничестве разобран вами все-таки гораздо полнее и точнее других вопросов, — если чем-нибудь, то именно им должна гордиться ваша так называемая гласность. Хорошо же объяснила она другие вопросы, если о том, который объяснила она лучше всех других, в результате сказала она только ту прекрасную мысль, что в трактирах не следует подавать плохих котлеток.

Не напоминает ли вся ваша литература того русского путешественника, который, обозрев всю Европу, заметил только, что в Гамбурге хороши сигары? Нечего сказать, стоило ездить по Европе только для такого открытия; стоило и вам толковать о гласности и о прочем, чтобы изобличить какую-то котлетку. Я чувствую, что вы негодуете на меня за эту котлетку. Но что же мне делать? Над нею совершился важнейший подвиг вашей литературы за тот год, которым вы восхищались и который теперь оканчивается.

Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имеют понятия о том, что такое литература, достойная этого имени. Истинно заслуживает имени своего литература только тогда, когда говорит обо всем, что важного в каком бы то ни было отношении происходит в обществе, рассматривает все эти факты со всех сторон, со всех возможных точек зрения, объясняет, от каких причин происходит каждый факт, чем он поддерживается, какие явления должны быть вызваны к жизни для его усиления, если он благотворен, или для его ослабления, если он вреден. Такая литература руководит мнением общества, приготавливает и облегчает улучшения в национальной жизни, предотвращает своими указаниями и советами ошибки и бедствия.

Есть ли в вашей литературе что-нибудь подобное? Она не руководит мнением общества. Куда ей до такого влияния! Она рада, рада уж, если ей удастся иногда сделаться слабым, бледным отражением той или другой из мыслей, овладевших обществом без ее посредничества; кто захотел бы следить по ней за тем, что происходит в нашей жизни, тот знал бы разве один, да и то самый ничтожный, из тысячи фактов, о которых будет говорить история, да и этот факт показывает литература вам в искаженном виде. Восхищайтесь же подвигами вашей литературы, если вы не знаете ни круга действий, ни обязанностей, принадлежащих литературе, достойной своего имени. А человеку, понимающему, чем должна

быть литература, жалко смотреть на вашу литературу и забавно видеть ваше довольство ею».

Что сказать на эти горькие слова желчных ипохондриков? Ответ вовсе не затруднителен нам теперь, когда мы знаем мнения цветущих здоровьем или пользующихся подагрой практиков. Мы только противопоставим горьким укоризнам назидательную теорию о бессилии литературы, и упреки рассеются сами собою. Литература наша не руководит общественным мнением, не управляет событиями — что ж из того? — таких претензий и не должна иметь литература; события готовятся событиями, а не словами; общественное мнение воспитывается опытом жизни и фактами, так или иначе отражающимися на состоянии общества, а не журнальными статьями или книгами. Потому о ходе истории нам нечего заботиться, — он развивается и без помощи литературы; ведь начались же у нас без ее содействия строиться железные дороги, — так явится и все, чему явиться придется пора. А наша литература, если и не делает всего, что следовало бы ей делать, делает все, что может; да и чего иного желали бы желчные ипохондрики? Они просто больны и раздражительны, на их слова не следовало бы обращать никакого внимания, и если мы дали им изложить их мнение, то единственно с целью показать читателям, как нелепы бывают мнения и желания людей болезненно раздражительных.

Нас просили поместить в «Современнике» следующее извещение об открытии в Петербурге учебного заведения для девиц, основанного на началах совершенно новых у нас; мы с удовольствием исполняем это желание, ожидая много хорошего от мысли, руководившей учреждением курсов, слушательницы которых не будут отвлекаемы от жизни в своем семейном кругу.

«Давно уже общим мнением признаны некоторые недостатки женского воспитания у нас в России. Недостатки эти происходят главным образом оттого, что воспитание девочек мало соображается с особенностями их женской природы и с будущим их назначением. Возможно лучшее образование дается у нас девицам в различных женских институтах. Но все эти институты суть заведения закрытые, т. е. девицы, получающие здесь свое образование, тут же должны и воспитываться, т. е. во все время курса жить в заведении, отчуждаясь таким образом от семейной жизни. Это обстоятельство не совсем благоприятно действует и на развитие мальчиков, по общему убеждению людей, специально занимавшихся вопросами об общественном воспитании. Тем более для девочки губительно отчуждение от семьи в ранние годы ее жизни. Круг, в котором, при современном положении и устройстве общества, должна женщина действовать, — есть именно круг семейный. Поэтому нужно заранее, с малых лет приучать ее к жизни в семействе, не подвергая тому холодному формализму, который неизбежен в казенных учебных заведениях при многочисленности воспитанниц и при отсутствии постоянного родного надзора, при котором дисциплина заменяется детской любовью. Но весьма немногие матери в состоянии сами воспитывать дочерей своих и давать им полное и современное образование. Равным образом не все могут иметь для детей своих хороших учителей, особенно таких, которым можно бы было поручить образование девочек. А между тем для девочек нет у нас открытых учебных заведений, куда бы они могли приходить только для

слушания уроков, возвращаясь после класса домой. Женские пансионаты наши также большею частью занимаются не одним обучением, но и воспитанием девиц, принимая их совсем на житье из родительского дома. Кроме того, в наших заведениях вообще при обучении девочек следуют обыкновенному способу, принятому и для мальчиков, т. е. заставляют их заучивать правила, научные определения, запоминать общие, отвлеченные положения, для них едва понятные. Такой метод преподавания и для мальчиков довольно затруднителен и бесплоден, для девочек же он неудобен еще более, потому что они, отличаясь, как известно, по самой природе своей, большею мягкостью и большим развитием чувства и воображения, требуют и в самых уроках более одушевления и конкретности в представлении предметов. К сожалению, у нас до сих пор еще не было заведения, которое имело бы в виду удовлетворение всем изложенным нами условиям, и матери, желавшие развить ум своих дочерей и дать им солидное образование, весьма редко могли удовлетворить своему желанию...

«С целью устранить, по возможности, указанные недостатки и облегчить затруднения матерей семейства в образовании дочерей своих, открываются ныне в Петербурге «курсы учения для девиц, воспитывающихся в своих семействах» (*Athénée des familles*), под управлением г-жи Труба, бывшей наставницы ее императорского высочества великой княгини Екатерины Михайловны. По своей основной мысли и направлению это заведение совершенно отлично от всех, доселе у нас бывших пансионов. Для того, чтобы пользоваться курсами в заведении г-жи Труба, девицам нет надобности выходить из круга семейной жизни; они должны только приезжать сюда для слушания лекций, а потом отправляются домой, где готовят свои уроки к следующему классу. Главная цель курсов — развить умственные способности девиц и сообщить им знания прочные и основательные. Поэтому принято — во всех уроках избегать школьного педантизма и механического заучивания наизусть и, напротив, прилагать все возможные старания, чтобы девицы сами приучались соображать, рассуждать, находить связь и отношения между предметами и пр. Все работы, какие раздаются ученицам на дом, приспособлены к той же цели, т. е. чтобы в исполнении их участвовала не одна память, а вместе и самостоятельная деятельность рассудка и воображения. Этим способом достигается, во-первых, то, что дети приучаются лучше, легче и основательнее мыслить, а во-вторых, то, что самые сведения, приобретаемые ими, не будут ни стоить такого мучительного и часто бесплодного труда, как при заучивании наизусть, а между тем будут живее, полнее и тверже.

«Заведение, находящееся под управлением госпожи Труба, основано в обширных размерах. В нем учреждено пять курсов: элементарный, в который поступают девочки от восьми до двенадцати лет, второй — от двенадцати до шестнадцати, высший от пятнадцати до шестнадцати, дополнительный — от шестнадцати и, наконец, специальный для образования наставниц. В этих курсах заключаются все необходимые для общего образования отрасли знания: закон божий, чтение, грамматика, арифметика, география, всеобщая история, история русская, русская словесность, сравнительная словесность, космография, естественные науки. Кроме общего курса, для тех, кто желал бы усовершенствоваться в одном каком-нибудь предмете, назначаются отдельные курсы дополнительные. Таким образом можно записываться, например, отдельно на курсы какого-нибудь из новых языков, на курсы изящных искусств, музыки, пения, рисования и проч. По каждому предмету приглашены учредительницею курсов знающие наставники, большею частью уже составившие себе известность в педагогической практике. Кроме того, при уроках постоянно присутствуют репетиторши, которые, следя за объяснениями учителя, могут потом помогать матерям в направлении учения детей и в изъяснении каких-либо трудностей. Для этой цели, по желанию родителей, они могут быть отпускаемы к ним на дом, получая по рублю серебром за двухчасовой урок.

«Все эти удобства предоставляются родителям за плату весьма умеренную, если сравнить ее с теми издержками, какие делаются в хороших семей-

ствах на плату за уроки различным учителям. В заведении г-жи Труба можно записываться не иначе, как на все продолжение курсов, с платою по третям года: за полный ученый курс — элементарный и второй — 46 р. сер., курс высший — 60 р., курс для образования наставниц — 40 р. в треть. Курс дополнительный состоит из специальных курсов, за которые плата полагается в месяц, за каждый отдельно. Курсы наук имеют по одному уроку в неделю, и плата за них простирается от 4 до 10 р. в месяц, по каждому предмету. Курсы новых языков и изящных искусств, по два урока в неделю — от 6 до 12 р. в месяц. В числе этих предметов есть такие, которые у нас не входят обыкновенно в курс домашнего воспитания, например, естественные науки в размерах довольно обширных, — история изящных искусств. Кроме новых языков, есть еще отдельные курсы словесности — французской, немецкой и английской. Каждый урок, во всех курсах, и по всем предметам, продолжается два часа.

«Заведение, основанное г-жою Труба, совсем уже сформировано, и 3 декабря начинаются курсы. Полное число воспитанниц предположено: в курсах наук — от 20 до 25, в курсах иностранных языков, в первых двух отделениях — от 14 до 15, а в третьем (литературы) от 20 до 25, в курсах музыки, пения и танцев — 8, в курсах рисования и живописи — от 12 до 15.

«Каждый день, с 1 до 5 часов, можно записываться на курсы у г-жи Труба, на углу Итальянской улицы и Екатерининского канала, в доме княгини Енгальчевой (бывшем Модена), квартира № 2».

Нам приятно также сообщить читателям о появлении справочной книги, которою значительно облегчаются исследования по вопросу, имеющему первостепенную важность в русской жизни.

Помощник библиотекаря в Дрездене, доктор философии Безик, составил по поручению нескольких соотечественников наших каталог разных сочинений и статей под заглавием: «Systematisches Verzeichniss von Büchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Aufsätzen betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansverhältnisse, von der ältesten bis auf die neueste Zeit, so wie ihrer Aufhebung in den verschiedenen Ländern Europa's, verfasst von D-r F. L. Boesick»*. Каталог этот напечатан в Дрездене в нынешнем году в небольшом числе экземпляров и продается в Петербурге у книгопродавцев Ключеза, Давыдова и в конторе комиссионерства Языкова и Комп., а в Москве в книжном магазине Щепкина по 50 коп. Обращаем на этот труд внимание лиц, занимающихся историческими и юридическими исследованиями отношений между разными сословиями как на весьма важное пособие для ученых трудов их.

СМЕРТЬ КАВЕНЬЯКА¹

Франция снова лишилась одного из своих детей, наиболее замечательных по гражданским доблестям. Четыре месяца тому назад она носила траур по знаменитому поэте, скончавшемуся в

* Систематический каталог книг, журналов, разрозненных очерков и отдельных статей, касающихся литературы и истории крепостного состояния от древнейшего до нового времени, а также и его отмены в различных странах Европы, составленный доктором Ф. Л. Безиком. — *Ред.*

полноте дней². Ныне смерть поразила человека, смерти которого никто не ожидал так рано, который был еще в цвете мужества: вечером 28 октября внезапно скончался бывший президент французской республики, Луи Эжен Кавеньяк, человек знаменитый дарованиями; еще более славный высокою честностью твердой души.

Сын Жана Батиста Кавеньяка, воина времен первой республики и члена Конвента, Луи Эжен, родившийся 1802 года, 12 октября, был младшим братом знаменитого Годфруа Кавеньяка, разделявшего с Арманом Каррелем предводительство решительной оппозицией первых времен Орлеанской династии. Воспитанник политехнической школы, он в 1824 году вступил в военную службу, приобрел известность в Алжире мужеством, воинскими талантами и административными дарованиями. 1848 год застал его бригадным генералом; партия, получившая теперь власть, считала его надежнейшею своею опорою между французскими генералами; 2 марта временное правительство сделало его дивизионным генералом и назначило генерал-губернатором Алжира. В мае он прибыл в Париж, будучи избран членом национального собрания. Дальнейшие события его жизни слишком известны для того, чтобы нужно было представлять здесь перечень их. В июньские дни он слишком уступил ожесточению своих политических друзей и дозволил им жестокости, которые надолго лишили его популярности, — эта ошибка помешала ему быть избрану президентом в ноябре, была главною причиною того, что Луи-Наполеон получил так много голосов, — его избирали для того, чтобы не избрать Кавеньяка. Но высокая честность, с которою он сошел с своего диктаторского места, повинаясь закону, выставила снова его характер с той стороны, которая наиболее заслуживает уважения. После *coup d'Etat*,* 2-го декабря он был удален Луи-Наполеоном из Франции, потому что хотел воспротивиться нарушению закона. Потом ему было дозволено возвратиться во Францию, чтобы присутствовать при кончине матери. Он не вмешивался более в политические дела и в последнее время отказался от депутатского звания, не желая давать присяги правительству, законности которого не признавал. Он тихо жил в селе Урн, близ Нанта. Там поразила его смертельный удар паралича, на 56-м году жизни.

* Переворота. — Ред